

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЧЕЛОВЕК ОТОВСЮДУ

НОВЫЙ
РОМАН
САМОЙ ЯРКОЙ
ЗВЕЗДЫ
РОССИЙСКОЙ
SCI-FI

Александр Николаевич Громов
Человек отовсюду
Серия «Галактическая империя»
Серия «Мир Тверди», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571625
Человек отовсюду: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46321-3

Аннотация

Космическая катастрофа уничтожила богатую, процветающую колонию на планете Марция. Уцелели немногие, только те, кто сумел прорваться через Врата. Прорваться любой ценой, чтобы до конца своих дней помнить лица тех, кому не повезло. Среди уцелевших оказался и Ларс Шмидт, теперь уже бывший резидент планеты Твердь на Марции. В отличие от многих Ларс не считал виновницей катастрофы Землю. И совесть его не мучила. Во-первых, потому что он сделал все, что мог. А во-вторых, потому что ему хотелось разобраться: кто виноват в гибели миллиардов людей. И при чем здесь загадочные Черные корабли, слишком часто появлявшиеся в небе обреченной планеты?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	30
Глава 3	52
Глава 4	71
Глава 5	93
Глава 6	111
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Александр Громов

Человек отовсюду

Пролог

Иногда мне приходит в голову далекий, казалось бы, от насущных жизненных потребностей вопрос: почему иные виды животных вымирают или прозябают кое-как, а другие в то же время благоденствуют? И почему одни племена и народы добиваются многого, а другие влачат жалкое существование? И уж заодно: почему одни люди живы, здоровы и успешны, в то время как другие ничтожны и несчастны, если вообще не мертвы?

Это уже не один вопрос, а три. Ну да все равно.

Я скажу вам, почему так происходит. Это везение. Просто везение.

Биолог-эволюционист заговорит о межвидовой и внутри-видовой борьбе, о редчайших полезных мутациях и так далее, а я спрошу: что такое полезная мутация, как не случайное и совершенно незаслуженное везение? Социолог будет долго толочь воду в ступе насчет экономических факторов, вытекающих из географии и менталитета конкретного народа, а я опять-таки спрошу: разве эти факторы – следствие ума или доблести? Отнюдь. Какой-то народ в давние време-

на завоевал какие-то земли – а ведь запросто мог проиграть ключевую битву и с ней всю войну, причем сплошь и рядом по идиотской случайности. Не проиграл, захапал территорию, пригнул побежденных – значит, повезло. И с менталитетом то же самое. Есть народы-воины, народы-труженики, народы-хитрованы, народы-лоботрясы и так далее. Всяких хватает. Как узнать заранее, какой народ просуществует тысячелетия, а какой исчезнет? Доблесть, ум, пронырливость, внутренняя спайка – на эти материи, взятые сами по себе, я не поставлю и гроша. Просто стечение обстоятельств. Сответствуют стоящие перед народом задачи его менталитету – значит, счастье привалило. Следует рывок, а за ним, глядишь, и блистательный взлет.

Что уж говорить об отдельной личности! Некоторые, правда, бубнят, что помимо «счастливого случая» важны способности и трудолюбие, и я соглашаюсь: да, важны. Но они тоже производные от генов, а значит, случайный фактор. И все эти качества ни черта не стоят, если нет везения прямого, непосредственного, грубого, как кость, брошенная бродячей собаке: жри, скотина! Благодарить только некого: Фатума не существует. Есть только случайности.

Мне везло. Во-первых, я не погиб в войне с землянами на Тверди. Во-вторых, меня там не было, когда разыгрались события, вошедшие в историю Тверди под названием Беспорядков, хотя по сути это была малая гражданская война. Я тогда был на Марции. В-третьих, я уцелел, когда неизвест-

ные силы как следует «пропололи» Марцию. Меня спасла толща самой планеты и географическая близость к ближайшим Вратам.

Большинство населения Лиги Свободных Миров полагает, что Марцию угробили земляне. Я так не думаю – и тому есть причины, – но помалкиваю. Доподлинно известно, что Земля имеет туннельное оружие, и этого оказалось достаточно, чтобы добрый миллиард людей в бывших галактических колониях Земли содрогнулся от гнева и ужаса. Подумать только! Земляне пошли на чудовищное преступление, решившись одним ударом разделаться с единственным конкурентом! Неспровоцированно! Пусть Марция втихую помогала Тверди и другим колониям, пусть немало способствовала обретению ими независимости и тут же подгребала их под себя, пусть технологически развивалась с такой скоростью, что уже становилась могущественнее Земли, но ведь войну-то она не начинала! Отгородилась гипербарьером и накапливала силы.

Ищи, кому выгодно, – этот постулат никто еще не отменял.

Выгодно было землянам. Казалось, они не имели реальной возможности нанести прямой удар по Марции, – ан прямого удара и не потребовалось. Во Вселенной полным-полно энергии, а туннельная бомба – как раз то, что иногда может высвободить эту энергию.

Телескопическая звездочка в созвездии Каминных Щип-

цов – вот как выглядел для жителей Марции ближайший к ней двойной пульсар с каким-то там цифро-буквенным индексом по каталогу. Две нейтронные звезды, кружась в бешеном хороводе, излучали, естественно, гравитационные волны, за счет чего мало-помалу сближались и еще активнее теряли на излучение энергию орбитального движения. Обычное дело, таких звездных пар в Галактике хватает. И все они кончают одинаково: рано или поздно нейтронные звезды падают друг на друга и, сливаясь, коллапсируют в черную дыру. Предсмертный электромагнитный вопль проваливающейся в никуда материи обычно краток, не более секунды, но как минимум сопоставим по силе с излучением всей Галактики.

Так и вышло.

Вдобавок Марция оказалась почти точно на центральной оси джета – узкой струи с наиболее мощным и жестким гамма-излучением. При расстоянии до пульсара, оцененном в двадцать два парсека, на планете не могла уцелеть никакая жизнь, исключая, может быть, микроорганизмы в толще горных пород на значительной глубине.

При этом ученые Марции знали совершенно точно: ничего подобного в нашу эпоху произойти не должно. Ну никак не должно! Двойной пульсар был давно известен, параметры орбитального движения изучены, расчетное время слияния нейтронных звезд во всяком случае превышало шесть-семь миллионов лет. Уйма времени! Живи да радуйся! Да вся история человечества как биологического вида не один

раз укладывается в этот срок! Что такое шесть миллионов лет для человека? Вечность. А для государства? Тоже вечность.

Пожалуй, даже вечность, помноженная на вечность.

Но случилось то, чего по всем канонам физики не могло случиться. Нейтронные звезды слились, породив гамма-всплеск. Отнюдь не рекордной интенсивности. Средненький.

Ни и слабого было бы вполне достаточно.

Для немногих уцелевших феномен разгадывался однозначно: вмешательство извне. Туннельная бомба, и только она. Что же еще могло вызвать гибельный для Марции катаклизм?

Война без объявления и ответных действий. Какие уж там ответные действия! Хлоп! – и все кончено. Одним ударом.

Это даже не война. Ведь не воюет же человек с тараканом, пристукивая его тапком! Он просто безнаказанно убивает жалкое насекомое из общих понятий о санитарии.

И полагает совершенно искренне, что теперь ему станет легче жить.

Пока Марция накапливала силы для неизбежной схватки с Землей за доминирование в Галактике, земляне нанесли упреждающий удар. Подлый и неспровоцированный.

Погибли десятки миллионов. Спаслись десятки тысяч. И каждый спасшийся люто ненавидел Землю, проклинал Землю, жалел о том, что Марция не начала войну первой. Сре-

ди тех, кто успел улизнуть с Марции через Врата, оказалось немало людей с поврежденным рассудком, но и те, чья психика отделалась лишь контузией, то впадали в оцепенение, не в силах поверить в случившееся, то принимались вопить и бесноваться, выкрикивая проклятия землянам попеременно с именами погибших детей, жен, мужей, родителей...

Здравые мысли пришли со стороны тех, кто принял у себя беженцев. Земля? При чем тут Земля? Каково расстояние между Марцией и источником гамма-всплеска? Двадцать два парсека? Иными словами, чуть более семидесяти световых лет? Ну-ну. То, что земляне применили туннельное оружие задолго до того, как о нем поползли первые темные слухи, еще полбеды. Интереснее другое: Земля, выходит, атаковала Марцию еще в те времена, когда та считалась лояльной процветающей колонией и еще даже не думала отгораживаться гипербарьером! Небывальщина. Нонсенс. Закон причинности неумолим: следствие не может опережать породившую его причину. Нет, Земля никоим образом не могла быть виновницей гамма-всплеска, погубившего Марцию!

Но кто же тогда?

Кто?

Часть первая

Шпион

Глава 1

Небольшой, но уютный домик в полосе тенистых рощ к северу от Нового Пекина, казалось, был окружен только живой изгородью, но в ней пряталась проволока, а поверх кустов наверняка раскинулась сеть невидимых лучей, преодолимых разве что для мелкого насекомого. При въезде меня тщательно проверила охрана.

– Живой? – Бывший президент Тверди ходил вокруг меня, затем рискнул дотронуться. – Нет, правда живой... Удивительно. Даже не верится. А я уж невесть что себе вообразил. Это ты хорошо сделал, что жив остался.

– Я тоже так думаю, – невесело усмехнулся я.

Мы обнялись. Потом выпили по полстаканчика настойки из ягод брюкводрева. Пробрало.

– Отец...

– Сын.

– Как мама?

– Уже знает, что ты цел. Как это было?

Мне не хотелось вспоминать и не хотелось рассказывать.

Я сжал повествование до нескольких фраз.

– Очень просто. Никто ничего не ожидал, конечно же. Сам знаешь, в таких случаях никто никогда ничего не ожидает. Внезапно отрубилась связь с половиной планеты. И еще пошли сбои в электроснабжении – там же единая сеть, не то что у нас. Ну, ясное дело, первая мысль: авария, ничего страшного, починят... Потом небо на горизонте осветилось... нехорошо так осветилось, пугающе. Я понял: катаклизм. Вовремя понял, надо сказать. Ноги в руки – и к Вратам, пока они еще действуют. Не был бы я темпирован – нипочем не успел бы.

Отец налил еще – мне снова полстакана, а себе чуть-чуть.
– Выпьем, сынок.

Я не заставил просить себя дважды. Мне было необходимо выпить. Как ни старался я прийти в себя в течение многих дней, а все-таки еще не пришел окончательно.

– Наверное, чувство самосохранения у меня могучее, – невесело пошутил я, заев жгучую жидкость ягодами.

– Разве это плохо? – возразил отец. – У тебя позади война, партизанщина, спецоперации. Ты подготовлен и к ожидаемому, и к внезапному. Был шанс – и ты его использовал. Это нормально.

– Только что ты удивлялся, – напомнил я.

– Правда? Ну, это все равно. Расскажи подробнее.

– Вместе со мной спасся один теоретик, он грубо прикинул, сколько энергии доставил на Марцию гамма-всплеск.

Примерный эквивалент – одна десятимегатонная бомба на каждый квадратный километр поверхности. Само собой, на освещенной гамма-всплеском стороне планеты не осталось ничего живого. Теперь представь ударную волну в атмосфере. Она пошла на теневую сторону. Бурлящая огненно-бурая стена. Бурая – это из-за двуокиси азота. Компоненты атмосферы вступили в реакцию. – Я помолчал. – Честно говоря, я не понимаю, почему с планеты вообще не сорвало атмосферу. – Помолчал еще немного и добавил: – А может, и сорвало...

Варлам Гергай тоже помолчал, пытливо глядя мне в лицо. Вероятно, он не мог сразу понять, почему я рассказываю так сухо. Но все же понял и налил мне еще. Я выпил.

Нет таких красок, чтобы описать то, чему я был свидетелем и участником. А если есть, то я знал, что не смогу ими воспользоваться. Психика не выдержит. То, что творилось у Врат, мне вовек не забыть. Население высокоразвитых миров паникует ничуть не меньше, чем мы, низкоразвитые. Может быть, больше. Цивилизованным вообще свойственно чересчур высоко ценить свои жизни.

Если бы не паника, спаслись бы еще тысячи. Все Врата Центрального Узла работали от резервных источников питания, они продолжали работать, видимо, до самого конца, и если бы удалось организовать грамотную эвакуацию... А! Кто стал бы ее организовывать? Ни времени, ни подготовленного персонала. Лишь обезумевшие толпы одетых кое-

как людей, бешеные драки за право пройти первым, плотные пробки из тел в дверях и прочих узостях, звериный рык, хруст ребер, пронзительные крики женщин, детский плач, топтание упавших...

Я не хотел вспоминать об этом, и Варлам Гергай понял меня. Много ли толку с того, что я спас, вытащив буквально из-под ног толпы, женщину с грудным ребенком? Их спас, а кого-то ведь и убил этим действием. Наверное. Сбитый ударом моего кулака ополоумевший мужчина в одном исподнем был, наверное, затоптан. Да что там говорить, спасся я – значит, не успел спастись кто-нибудь другой.

Говоря откровенно, и сам-то я спасся только потому, что *уже* был в бегах целых тридцать минут и на всех парах несли к Вратам. Но об этом, а главное, о том, что предшествовало моему бегству, я совсем не хотел вспоминать.

Хорошо еще, что все жизненные процессы человека на Марции протекали втрое-вчетверо быстрее, чем на любой другой планете, а проще говоря, все население было темпировано. Если бы не это, спасшихся было бы куда меньше. Очень многие просто не успели бы добраться до Центрального Узла.

Эвакуировались на Твердь, на Дидону, на Новый Ямал, на Хлябь и так далее – на все планеты Лиги Свободных Миров, связанные с Марцией стационарными гиперпереходами. В дикой спешке операторы Центрального Узла пробили несколько временных гиперканалов; я воспользовался од-

ним из них. Врата открылись на Тверди, но лишь полный идиот счел бы удачей это обстоятельство. Прорвавшиеся во Врата люди оказались в песчаной пустыне, в полдень, в сухой сезон. Врата медленно дрейфовали над волнистым песком, а люди выпрыгивали и выпрыгивали из них – ошалевшие от страха, мало что соображающие, не понимающие еще, удалось ли им спастись или нет.

Я тоже этого не понимал.

Песок обжигал. Солнце палило. Врата дрейфовали, из них вываливались люди. Это продолжалось минут двадцать пять независимого времени.

Затем Врата исчезли.

Последней из них выпала женщина средних лет и сейчас же истошно закричала, забегала, ловя руками что-то невидимое и несуществующее. Не знаю, кто у нее остался на той стороне. Муж? Дети? Престарелая мать? Не знаю. Никто не обращал на нее внимания, все спасшиеся стонали на разные голоса и совершали разнообразные бессмысленные действия. Никто поначалу не обращал внимания на жгучее солнце и раскаленный песок. Наверное, каждый из этих людей потерял кого-то из родных, но это было еще не самое худшее. У людей отняли их мир. Навсегда. Бесповоротно. Жизнь спасена – но жизнь и рухнула. Пустота...

Я выждал немного времени – ровно столько, чтобы люди заплакались и накричались, но чуть меньше, чем надо людям для того, чтобы в их головы забралась мысль о са-

моубийстве от отчаяния и полного отсутствия перспективы. Перспектива-то была.

Я выждал – и гаркнул. Природа не обидела меня мощью голосовых связок. Я орал грубо, как фельдфебель на плацу, и люди начали стягиваться ко мне. Из них я выхватывал наименее потерянных и отдавал им распоряжения. Кое-кого пришлось подбодрить оплеухой. Мне, даже не марцианину, выпало стать стержнем для кристаллизации аморфной человеческой массы просто потому, что иного стержня не нашлось. И ладно, решил я. Справлюсь не хуже других.

Я справился. Опыт сам по себе великая вещь, а военный опыт – сугубо. Из толпы в две с половиной тысячи человек я был, наверное, единственным, кто воевал и умел командовать. Для начала я пошевелил ногой песок там и сям – оттуда выскочила многоножка знакомого вида. Медленно выскочила – она ведь не была темпирована, жила в привычном времени... Ага, значит, мы точно на Тверди, ошибки нет. Плохо, что в пустыне. Придется как-то выкручиваться.

Наведение порядка потребовало времени. Ускоренная жизнь марциан – не всегда преимущество. Темпированный человек может двигаться втрое-вчетверо быстрее человека обыкновенного, а значит, меньше обжигается о песок, но ведь и воду темпированный потребляет в соответствии с ненормальной скоростью всех процессов в организме. А воды у нас не было.

Солнце, стоявшее поначалу в зените, немного сползло

вниз к тому времени, когда я навел какое-то подобие порядка, и я уже мог ориентироваться по сторонам горизонта. Прежде всего: в какой мы пустыне – Восточной или Прибрежной? Если первое, то плохи наши дела. Если второе – можно побарахтаться не просто так, а с хорошей надеждой на удачу.

Никакого транспорта. Никакой связи. Никакой пищи, а главное, никакой воды. В первый же час случилось несколько солнечных ударов. Я буквально заставлял людей обматывать головы тряпками, безжалостно конфискуя излишки одежды у тех немногих, кто имел такие излишки. Я бил по морде слабых духом и заставлял двигаться. Жаль, что у меня не было палки, – тогда мне не пришлось бы бросить нескольких слабаков, ни в какую не желавших двигаться. Я бросил их, потому что должен был спасти остальных.

Кончился день, долгий как вечность. Ночь принесла прохладу. В свете двух лун и Карлика мы выбрали к пересохшему руслу и двинулись по растрескавшейся глине. Никто не искал нас на Тверди, и мы должны были сами выйти к людям – или умереть.

Дети хныкали и просили пить. Многие взрослые вели себя не лучше. Наверное, им никогда в жизни не приходилось терпеть. Я успокаивал одних, угрожал другим, подбадривал зуботычинами третьих. За ночь от нас отстало еще несколько человек. К сожалению, я не мог убедить всех сломленных в том, что они не сломлены. Я-то знал, когда человек бывает

сломлен по-настоящему! Эти люди просто пали духом – поправимое дело! Но их было слишком много, а я – один.

Не спать! Идти! Днем будет стократ тяжелее, поэтому нужно пройти за ночь как можно большее расстояние! Долгая-долгая ночь для темпированных... Адская ночь. Я позволял людям лишь короткие привалы. Ничего, пусть умучатся! Природа не терпит пустоты, поэтому будем вытеснять отчаяние усталостью! Вперед! Шире шаг, сволочи, нытики, ублюдки, дармоеды!..

Сухое русло выписывало пологие меандры. В общем оно вело на юг, но куда конкретно – я понятия не имел. Что, если этот временный водоток исчезает в пустыне? Тогда смерть. Обманутые люди, пожалуй, растерзают меня, и это будет лучше, чем умирать от жажды...

На рассвете с юга пахнуло морем. В полдень нас заметили с рыбацкого суденышка.

– А досталось тебе, – сказал отец не сочувственно, но констатирующе. Он знал, что я не потерплю и тени сочувствия к себе. – Но знаешь, ты спас кучу людей.

– Ну, спас и спас, – буркнул я. – Так получилось. И ты бы спас, если бы пришлось. К чему эти слова?

– К тому, что я не удивлен. Сын у меня что надо. Выпьешь еще?

– Да.

– Кстати, ты уверен, что Тверди не грозит этот гамма-всплеск?

– Абсолютно. Где Марция, а где мы. До нас излучение доберется при моих праправнуках, да и то мы не попадем в джет, а вне его энергетика совсем не та. Где у нас на небе Марция? В созвездии Кота. А где источник гамма-всплеска? В созвездии Плуга. Вот так примерно, глянь. Мы совсем не на одной оси. Бояться рано, а может, и вовсе не надо...

Я показывал на пальцах наше взаимное расположение в галактическом пространстве и старался не думать о тех, кого я не довел до моря, не смог довести. И о тех, кто умер на пустынном берегу, прежде чем здоровенная ржавая баржа, выполнявшая функции спасательного судна, забрала нас. Я знал, что смогу заставить себя не вспоминать о них. Потом. Попозже.

А пока мне надлежало как следует выпить.

– Помнишь, как мы с тобой вот так же сидели, бывало, под пиво? – спросил Варлам.

Я кивнул. Были времена – и прошли. Теперь моему отцу, экс-президенту и лидеру оппозиции, здоровье не позволяло как следует поддержать компанию. Пиво он вовсе бросил пить, чтобы не росло брюхо. Крепкие напитки еще употреблял, но крайне умеренно. Я прожил на Марции два года и благодаря темпированию постарел лет на семь, а мой отец, никуда не отлучаясь, живя с нормальной человеческой скоростью, выглядел так, будто прошло аж целое десятилетие. Политик – притягательная для многих и вредная для всех профессия.

– Я хотел бы знать, как устроят спасшихся с Марции, – заявил я.

– Об этом теперь не у нас голова болеть должна, – с деланной небрежностью возразил Варлам. – Ты уже спас их, чего тебе еще? Не переживай, их устроят как надо. Они же все-таки марциане... не балласт. Пригодятся. Среди них ведь небось ученые есть, инженеры, квалифицированные рабочие... Не будет Игнатюк дураком, так пристроит их к делу... если только их от него не переманят. Но об этом после...

Было видно: отец жалеет о том, что гибель Марции не пришлась на время его президентства. Вышел бы интересный расклад. С другой стороны, Савелий Игнатюк, нынешний президент Тверди, тоже был замазан, пусть формально, в борьбе против Земли – и именно с ней ему теперь придется иметь дело, поскольку второй игрок – Марция – навсегда выбыл из борьбы. Невероятно ускоренная, быстро обгонявшая в развитии Землю цивилизация была – и вся кончилась. Расклад сил в Галактике изменился радикально. Не знаю, устроили ли земляне у себя всепланетный фейерверк на радостях. Я бы на их месте устроил.

– Если Земля вновь предпримет вооруженное вторжение, нам не устоять, – сказал я. – Она раздавит нас шутя и снова станет для нас метрополией.

– Расслабься, – вяло махнул рукой отец. – Не станет. Что мы для Земли? Источник скандия, и только. Майлз Залески торговал скандием с Марцией, теперь опять будет тор-

говать с Землей. Что было до восстания, то и будет, только вместо Администрации – самоуправление. На Земле за это время тоже чуток поумнели, их устроит формально независимая Твердь. Чего ради тратить деньги и лить кровь? Ты пей, пей.

– А ты?

– Капельку. – Он сам плеснул себе на доньшко. – Ну, давай за Твердь!

– За Твердь!

Настойка обожгла пищевод. Я потянулся за маринованными улитками.

– Значит, все возвращается на круги своя?

– Все развивается по спирали, – наставительно заметил отец. – Как ни крути, а все-таки мы вскарабкались на новый виток. Полной независимости, о которой мы мечтали, не получилось и не могло получиться, но сейчас... Сейчас мы свободнее... чуточку.

Я удержался от замечания о том, сколько крови было пролито за эту «чуточку».

– А народ?

– Слушай, ты как ребенок прямо! – рассердился отец. – Народ? Что такое народ? Он то, что мы из него делаем. Счастлив ли он? Куда там! Народ не бывает счастлив. Никогда! – Он помахал пальцем перед моим лицом. Кажется, его слегка развезло. – Но мы убедили его в том, что он стал свободнее. Ты, конечно, скажешь, что он этого не чувству-

ет. А я тебе скажу: народ чувствует то, во что верит. В прежней Администрации сидели дураки, ха-ха. Это надо же додуматься – иметь один радиоканал и несколько чахлах газетенок на всю Твердь! Теперь у нас гораздо больше возможностей для убеждения. Телевидение, пресса, прочая культура... Твоя мама была министром культуры, ты знал?

– Знал.

– А потом начались Беспорядки. – Отец пригорюнился. – Где-то что-то мы проворонили, и я даже знаю где и что... Не тем людям я доверился... Ладно, замнем. Капни-ка мне еще, чего уж там печень беречь...

– А не хватит ли тебе на сегодня?

– Капни, я сказал!

Я капнул, уже прикидывая, как бы мне поскорее покинуть особняк опального экс-президента. Кажется, негнибачей Варлам Гергай собирался впасть в состояние слезливой болтливости. Ссориться с ним я не хотел, а поддакивать пьяным слезницам – увольте.

Но я недооценивал своего биологического отца. Выпив, он и не подумал распускать сопли.

– Почему от тебя так долго не было донесений? – спросил он.

Не «известий», а именно «донесений». Отец сохранил точность в формулировках. Работа прежде всего. Черные корабли в небе Марции. На этой планете их замечали чаще, чем где бы то ни было. Загадка из загадок. Ребус-фактор.

– Не о чем было доносить, – сказал я. – Ничего нового. Последние месяцы вообще никаких новых свидетельств. Как будто они вообще исчезли, эти черные корабли.

– А твои информаторы?

– Я знаю столько же, сколько они. А ты знаешь столько же, сколько я. По-видимому, марцианам так и не удалось установить, что же это за объекты – черные корабли. Не по зубам оказалась задачка.

– Уверен?

– Я уверен только в том, что теперь марциане не обставят нас в этом деле, – пробурчал я. – Некому обставлять.

Отец дернул углом рта.

– Только если кто-нибудь из круга посвященных не спасся...

– Вероятность мала, – возразил я. – Согласен?

Он счел полезным напомнить мне, что и малую вероятность в нашем деле нельзя сбрасывать со счетов. К старости многие люди становятся до отвращения дидактичными, им кажется, что они приносят миру бездну пользы, изрекая банальности. Жаль, что старость начала наваливаться на отца так скоро. А каков был!.. Варлам Гергай, один из лидеров Сопротивления, бесстрашный боец и умный тактик, сумевший превратить поражение в победу, первый всенародно избранный президент Тверди...

Теперь это осталось в прошлом. Мой отец мечтал, чтобы народ Тверди жил в соответствии с его идеалами, а народ

просто хотел жить по-человечески. Лозунги – плохая замена хлебу. Варламу Гергаю не простили голода, коррупции, беспорядков. Потери территории, когда Северный материк отделился и заключил с Землей собственный договор, ему тем более не простили. Он пытался договориться с Марцией о поставке новой партии «темпо» для подавления сепаратизма – и получил категорический отказ. Всенародного президента могли бы и прихлопнуть, не дожидаясь, пока он сам упадет, но как-то обошлось. Смешнее всего было то, что народ бурно приветствовал Савелия Игнатюка, ожидая, что при нем все пойдет иначе. Как именно иначе – это еще могли приблизительно объяснить многие. Почему все должно пойти иначе – не знал никто, да и вряд ли кто-нибудь задавал себе этот вопрос. Неужели только из-за новых людей во власти? В какой власти? Самый могущественный человек на Тверди – отнюдь не президент, а Майлз Залесски. Я знал, что этот розовый старичок еще жив, бодр и по-прежнему управляет промышленной империей, а его сынок Боб, мой студенческий приятель, помогает отцу как толковый, почтительный и вполне лояльный наследник, ничуть не рвущийся вступить раньше времени в права наследства. Повезло старику Майлзу с сынишкой.

Зато моему отцу не повезло с мечтой.

Он еще хорохорился, еще не верил, что навсегда вычеркнут из влияния на какие бы то ни было события. Он еще готовился к новому прыжку и решающим боям, а был отрабо-

таннным материалом, стреляной гильзой. Мне было жаль его.

– Плохой расклад, – сказал он. – Простой расклад. Всегда худо, когда расклад прост, тут особо не поманеврируешь. Нам очень нужны сведения о черных кораблях. Чьи они? Корабли ли они вообще, а если не корабли, то что? А если корабли, то чьи? Сейчас Земля вновь стала главной силой в Галактике. Пусть пока все тихо, но перспектива мне не нравится. Нет противовеса.

Да, подумал я, очень хорошим противовесом была Марция! Забыл преподанный тебе наглядный урок? Марция сколачивала Лигу Свободных Миров, где только она одна была свободна. Остальных она гнула так, что куда там неповоротливым миндальничающим землянам!

Потому что кое в чем она была сильнее Земли. Что же с нами будет, если мы вступим в контакт с цивилизацией, породившей черные корабли? Отдадимся под покровительство тех, кто сильнее землян? Опять?

– Надо во что бы то ни стало сохранить Лигу, – сказал отец. – Обязательно. Без Марции она стала скорее декоративным образованием. Сейчас Земля понемногу начнет прибирать Лигу к рукам, и вот тебе мой прогноз: у нее это получится. На какое-то время, надеюсь, недолгое. Потом начнется второй раунд драки, и в гонг ударим мы. Лиге нужен новый лидер.

– Твердь? – не удержавшись, съязвил я.

– Твердь. Только гораздо более могущественная, чем ны-

не. Благодаря либо «темпо», либо черным кораблям.

Господи, да он был не в своем уме!

– «Темпо» потеряны, – осторожно понизив голос, сказал я. – Их ведь можно было культивировать только на Марции. О пресловутых черных кораблях как никто ничего толком не знал, так и не знает. Наверняка эту тему копают и земляне, да только вряд ли что-нибудь выкопали. Будь иначе, все отделившиеся колонии почувствовали бы это, и мы не в последнюю очередь. Либо задачка оказалась землянам не по зубам, либо пресловутый ребус-фактор совершенно бесполезен. В смысле, можно знать, но нельзя применить.

– Уверен? – спросил меня Варлам.

– Да. Почти да.

– «Почти» – отвратительное слово, – поморщился он. – Значит, ты не уверен до конца. Ну и правильно, не дурак же ты. Что это такое – черные корабли? Мы должны это знать. Мы должны узнать это раньше других.

Я пожал плечами. Приходилось говорить банальности.

– Версию об оптической иллюзии нельзя рассматривать всерьез, – сказал я. – Оптические иллюзии не защищаются, уничтожая тех, кто напал. Следовательно, приходится признать, что черные корабли материальны, и тут возможны только две гипотезы. Первая: мы имеем дело с нечеловеческой цивилизацией. Вторая: хозяева черных кораблей все-таки люди. Это маловероятно, но теоретически возможно. Рванула же Марция вперед при помощи «темпо». Если

какая-то другая группа людей, скажем, население какой-нибудь колонии, начала раньше или если оказавшиеся в их распоряжении средства обладали большей эффективностью, то... все возможно. Чисто теоретически, конечно. Жаль, что это трудно проверить.

– На Марции у тебя не было доступа к секретным архивам?

– Кое-какую информацию удалось добыть через агентов, но результата – ноль. Если в каких-то архивах и хранятся сведения об истоках цивилизации хозяев черных кораблей, то уж точно не в марцианских.

– В земных?

– Конечно. С них бы я и начал, если бы мог.

– Сможешь.

Мне показалось, что я ослышался. Но по тому, как отец держал паузу, я понял, что ослышки нет и что он говорит серьезно.

По-видимому, он собирался дать мне какое-то задание. Не попросить, как отец может просить сына, а именно приказать. Мне! Как будто для политического трупа, каковым он является, еще ничего не было кончено. Можно подумать, я был обязан выполнять его распоряжения!

Хотя, если взглянуть на это с другой стороны... чем еще мне заниматься?

Но – как? Та сеть, что я сплел на Марции, перестала существовать вместе с марцианской цивилизацией. Может быть,

уже сплетена новая сеть – на Земле – и мне остается только подключиться к работе под каким-нибудь прикрытием?

– «Темпо» тебя больше не интересуют? – спросил я.

– Еще как интересуют... Ты еще можешь ускориться?

– Не знаю.

– Лови!

Он швырнул в меня скомканной салфеткой. Комок попал мне в грудь. Я промахнулся, пытаюсь поймать его на лету.

Так бывает со всеми, кто возвращается к нормальному ритму после долгого пребывания в темпированном состоянии. Человек все еще воображает, что он может запросто поймать эту самую салфетку несколько раз, пока она летит, но летит-то она теперь втрое-вчетверо быстрее, чем раньше! Точнее, человек теперь реагирует втрое-вчетверо медленнее, но поправка сути не меняет – что в лоб, что по лбу.

– Понятно, – сказал Варлам. – А теперь ускорься.

– Не хочется.

– Неужели и для меня не попробуешь?

Я попробовал. Мне пришлось взвинтить себя, а для этого лучше всего как следует разозлиться на что-нибудь или на кого-нибудь. Злиться я всегда умел, но этого не потребовалось. Я просто вспомнил то, что творилось на Марции в ее последние часы.

Через три минуты независимого времени я вернулся в нормальный ритм. На большее меня не хватило. Я чувствовал себя вымотанным, как после двадцатикилометрового

марш-броска с полной выкладкой. Зато голова стала совсем ясной, а от алкоголя в крови, наверное, не осталось и следа.

Отец тотчас набулькал мне стаканчик, предлагая исправить это упущение. Я предпочел сначала отдышаться.

– Убедился? – сказал он. – В тебе еще сидят эти бациллы, еще не все передохли. Теперь слушай: земляне собирают уцелевших марциан и даже не делают из этого особой тайны. Само собой, им нужны не люди, а то, что в них сидит. Ясно и ребенку: они хотят вырастить культуру «темпо». Если у кого-то и могут найтись подходящие для этого технологии, то только у землян.

– У них может получиться? – задал я ненужный вопрос.

– Не знаю! Но если у них получится... сам сообрази, что с нами будет.

Сообразить было нетрудно. Если мы отстояли независимость только благодаря поставкам «темпо» с Марции, то теперь легко можем потерять ее – даже ту чисто номинальную независимость, что ныне имеем. Тут все зависит от доброй воли Земли, а мне не нравится зависеть от чьей-то воли, хотя бы и сто раз доброй. А если земляне получают «темпо», то кто поручится, что им не придет в голову наказать нас за прошлые грехи как следует? В данный момент они и без «темпо» могут легко разделаться с нами, но с «темпо», пожалуй, сделают это без потерь. Ну разве не соблазн?

Я был вынужден согласиться с отцом.

– Земляне собирают марциан всюду, где их находят, в том

числе и у нас, – сказал он. – О принуждении речи нет. Предлагают хорошие условия, работают культурно, денег не жалеют. Есть сведения, что они свозят марциан на Прииск. Зачем – сам догадайся. Я хочу, чтобы и ты отправился туда же.

– Что еще за Прииск? – спросил я.

– Нельзя быть таким нелюбопытным, – укорил меня отец. – Читай материалы, они в открытом доступе.

Глава 2

Я проснулся с криком. Во сне я опять видел гибель Марции – огненно-бурую стену, надвигающуюся от горизонта, панику, оцепенение перед лицом неизбежной смерти... Тем, кто не успел покинуть планету, пришлось пережить ужасные последние мгновения. Кто не сгорел заживо, тот отравился двуокисью азота или был сметен ураганом как пылинка. Уж лучше было оказаться на обращенной к источнику гамма-всплеска стороне планеты: раз – и кончено. Ни страха, ни сожаления. Мгновенная смерть без всяких предвестников катастрофы.

Хотелось закричать: «Это нечестно! Мы на такое не подписывались!» Крикнуть-то можно, а кто услышит? Вселенную не интересуют наши крики. Трудно отделаться от мысли, что она гораздо на подлости, но чего нет, того нет. Она просто такая, как есть, ей нет до нас никакого дела, и не ее вина, что нам приходится в ней жить. А также умирать – чаще без помощи с ее стороны, но иногда и по ее прихоти.

Наверное, каждый человек держит в уме возможность – о, чисто теоретическую! – гибели целой планеты, да только представляет ее себе не так. Должны быть отдаленные предвестники катастрофы, осознание опасности, затем борьба, ибо кое-как бороться мы умеем, далее эвакуация, если борьба не привела к успеху, трогательные прощания тех, кому

не повезло, сложные сплавы благородства и подлости в ожидании последнего мига... К подобной литературщине мы в принципе готовы и думаем, что имеем право ждать именно такого сценария. А нас – хлоп! – уничтожили единым махом, как болезнетворных бацилл. Простерилизовали планету. Кто смирится с этим?

Глубоко верующие – эти да, могут утешиться соображением о наказании за грехи. Беда в том, что большинство марциан, насколько я успел узнать этот народ, не были очень уж религиозными. Как они костерили землян, веря в то, что именно земляне уничтожили их ласковый мир! И какого труда стоило убедить их в том, что земляне тут ни при чем!

Не всех, кстати, удалось убедить. Не всякий рассудок смирится с мыслью об отсутствии виновного.

Что будут делать эти люди, если землянам удастся вывезти их на планету с названием Прииск? Мстить кому попало за то, что действительность не похожа на их представления о ней?

Ночь за окном была на исходе, багровый глаз Карлика клонился к закату. С полчасца я пытался опять заснуть и не преуспел в этом. Тогда включил ночник и начал думать.

Прииск... Вчера я прочитал о нем все, что нашел в открытом доступе. Действительно, надо было только задействовать компьютер. У Варлама он был. Уж такую-то продукцию и Земля, и Марция продавали слаборазвитым мирам без ограничений и особых наценок. Компьютер стремительно входил

в моду на Тверди, хотя большинству фермеров он был нужен, как корове лишняя пара рогов. Если я не ошибаюсь, в древние времена на Земле некий старикашка по имени Сократ любил гулять по рынку, восклицая: «Как же много на свете вещей, без которых можно обойтись!» На Тверди не нашлось своего Сократа, и население, все еще с трудом сводящее концы с концами, отдавало последние гроши, радостно «приобщаясь к цивилизации». Ну да черт с ним, с населением...

Мнеморедуктор мне не понадобился. Данных было немного: справочная информация и короткие клипы. Сведения довольно куцые, но странно уже то, что их оказалось возможно найти в такой дыре, как наша Твердь.

Итак, Прииск. Название планеты прямо указывало на месторождения каких-либо редких ископаемых. Воображению рисовалась рудничная планета: шахты, карьеры, громоздящиеся там и сям терриконы, минеральная пыль в воздухе, грохот механизмов, серые роботы и серые лица рабочих... Оказалось – ничего подобного. Прииск был роскошной планетой, превосходящей комфортом даже Марцию. Девять десятых его территории покрывал океан, материки отсутствовали напрочь, зато имелось множество крупных островов, сгруппированных в несколько архипелагов. Далеко не каждый остров был райским местечком, попадались среди них и холодные, и чересчур жаркие, и ежегодно принимающие на себя всю мощь тайфунов, и сейсмические, – но были и дру-

гие. Райские уголки, земли обетованные. По-разному райские. Способные удовлетворить самый требовательный вкус и как будто учитывающие тот факт, что вкусы у всех разные.

В том-то и дело. Безумно дорогой, но фантастически разнообразный курорт. Состарившиеся бизнесмены, отошедшие от дел политики, богатые молодые бездельники *приискивали* себе местечко, максимально удовлетворяющее их нуждам и фантазиям, арендовали облюбованный участок земли, строили дворец или просто бунгало и начинали жить в свое удовольствие. Давно освоенная, райская, безопасная планета... Местная фауна не выдержала конкуренции с завезенной живностью и благополучно вымерла, за исключением нескольких десятков специально охраняемых видов, флора еще держалась, но тоже сдавала позиции. Ни опасных для человека хищников, ни ядовитых змей и насекомых, ни деревьев с отравленными шипами... Чем не благодать? Доживай свой век и радуйся, если позволяет счет в банке!

Денежные тузы составляли элиту Прииска. На нее работала обширная инфраструктура: терраформирователи, климатологи и метеотехники, строители, гиды, актеры, инструкторы по тем или иным видам спорта, биологи какого угодно профиля и медики всех специальностей. Педиатров, правда, было немного, зато геронтологов – хоть отбавляй. Отдельно – биотехники. На Прииске находился крупнейший центр биотехнологий во всей обитаемой Вселенной. Сначала я недоумевал, почему именно там, но как только узнал о

производстве андроидов с заданными свойствами, все стало на свои места. Безропотные слуги, секс-рабыни и секс-рабы. Обожающие, надо полагать, своих хозяев. А может, и стервы для любителей остренького, может, и садистки-мазохистки, но управляемые. Я удивился, узнав, что андроид базовой модели стоит не так уж дорого по местным меркам.

– Теперь понимаешь, зачем марциане нужны на Прииске как можно скорее? – говорил мне Варлам, тыча вилкой в голографический экран. – Там научная база, там лучшие ксеномикробиологи. Если они не справятся с проблемой, то вообще никто не справится. Землянам нужна технология выращивания «темпо»...

Еще бы не нужна. Достаточно темпировать несколько батальонов командос – и подавление беспорядков во внеземных колониях станет рутинным недорогим делом. Да и кто осмелится бунтовать, зная, что метрополия овладела этой технологией?

Я бы точно не решился.

– Завтра утром земляне отправляют на Прииск группу марциан, – продолжил отец. – Тебе надлежит присоединиться к ней.

– В качестве марцианина? – криво ухмыльнулся я. – Меня раскусят в момент.

– В качестве тебя самого, каков ты есть. Возможно, все это время мы подносили сосиску не к тому концу собаки. Теперь попробуем иначе. Ты был дипломатом на Марции, вку-

сил прелестей цивилизованной жизни на развитой планете и не горишь желанием провести остаток жизни в нашем захолустье. Перспектив карьерного роста при Игнатюке у тебя нет. Ты жалеешь, что поставил не на ту лошадку, и готов сотрудничать с землянами. Годится?

– Первый же сеанс ментоскопии... – начал я.

– ...Выявит твою биографию и твои знания, но не владеющие тобой мотивы, – подхватил Варлам. – Сыграть как надо ты сумеешь, тем более тут и играть-то нечего. Будь открыт, ничего не скрывай. Расскажи им всю правду о своем участии в подполье и партизанской войне. Сообщи, для чего ты был послан на Марцию. Дай понять, что я, Варлам Гергай, твой отец, одобрил твой вояж на Прииск. Вся наша война против Земли с самого начала была ошибкой, ты ведь в это веришь?

– Почти.

– Жаль, что не полностью. Но, может, и лучше, если в твой психологический портрет земные спецслужбы запишут сомнения. Так будет натуральнее. Уж если они не поверят очевидной правде, так чего они стоят? Если тебя будут ломать – ломайся сразу. Иди на сотрудничество. Никаких конкретных заданий я тебе не ставлю, связи не даю. Твоя задача на данном этапе – только внедрение. Об остальном позабочусь я.

– Когда?

– Когда сочту это нужным.

Вот такой был разговор. Так сказать, беседа отца с сыном. Я знал, что Варлам обрадуется, если я наотрез откажусь от

задания. В конце концов, я больше не состоял на государственной службе и не был отозван с Марции только потому, что меня не успели отозвать после смены власти на Тверди. Если бывают шпионы-любители, то я из их числа.

Да, отец обрадовался бы моему отказу. Я видел, что им движет. Без сомнения, он просто ждал, когда я наиграюсь в эти игры и займусь «настоящим делом» – политикой. Ха! Долго же ему придется этого ждать.

Уж лучше я отправлюсь на Прииск.

Карлик ушел за живую изгородь. Небо потихоньку светлело. Я лежал в постели и думал о том, какие порой странные зигзаги дает процесс под названием жизнь. Вот, скажем, я. Опять спасен чудесным образом и жив, хотя, по идее, должен быть мертв. С Марции не спаслось и одной десятой процента ее населения, а я вот спасся. Не знаю, какие сведения успела собрать обо мне контрразведка Марции, но меня не ликвидировали – это второй факт, столь же бесспорный, как и первый. И наконец, странно, что я не был убит еще раньше, во время войны, когда вероятность отбросить копыта в разы превышала вероятность остаться в живых. Какая-то странная цепь удач.

Само собой, я давно понял: выигрывает тот, кто разумнее и оперативнее пользуется сложившимися обстоятельствами. Тут, правда, мне могут возразить: мол, особенно крупно выигрывает тот, кто сам создает упомянутые обстоятельства. В принципе, я не спорю. Но, положив руку на сердце, ответьте:

часто ли вам удавалось создать именно то, что вам нужно? Да никогда! История Тверди наглядно подтверждает это. История Марции – тем более. Стремилась Марция к гегемонии в Лиге, чтобы со временем главенствовать во всей Галактике... а что вышло?

Может быть, я отмеченный Судьбой, этакий везунчик, для чего-то приберегаемый?

Ага. Стоит счастливчику поверить в то, что он баловень Судьбы, как Судьба его – хлоп! – и нет ни счастливчика, ни баловня.

Я-то знаю.

Повидаться с мамой мне так и не удалось. Чтобы стонять в Степнянск и обратно, в лучшем случае требовались сутки с хвостиком, особенно теперь, когда я вновь стал рядовым гражданином Тверди, лишенным каких бы то ни было льгот. Проклятые «темпо» дошли во мне, наверное, миллионами каждый час, и чем дальше, тем меньше ценности я представлял для землян. Так что ни о какой отсрочке речь не шла.

Я шел по Новому Пекину и не узнавал столицы. Куда ни кинь взгляд – кричащая реклама какой-нибудь ерунды. Толпы уличных торговцев затоптали былую сонную патриархальность. Витрины магазинов призывали начать новую жизнь – вот прямо сейчас, еще до завтрака. Уже с утра в толпе шныряли шустрые людишки, предлагая «хорошо прове-

сти время». Гигантский транспарант, изображающий голую блондинку верхом на оскалившем клыки диком коте, зазывал народ на стадион ради «незабываемого представления». Кто-то настойчиво превращал народ-труженик в плебс, охочий до хлеба и зрелищ.

Наверное, ради всего этого мои соотечественники шли на великие жертвы и умирали с верой в победу. Победа была одержана... и что?

Прежде я возмущился бы до желания наделать глупостей – теперь же был полон великолепного презрения ко всей этой мишуре. Времена меняются, и люди меняются вместе с ними – эту банальную истину никто не в силах отменить. Кто я такой, чтобы перекраивать людей по своему разумению? Да и куда мне конкурировать с закройщиками, лучше меня знающими свойства материала! Как говорил Фигаро, что за беда, раз никто не пострадал? Пострадала лишь моя вера в Твердь и твердиан, но она не в счет.

«Если гора не идет к Магомету, то мы заставим людей поверить, что это не гора, а равнина», – как-то раз сказал мне отец. Что ж, так оно и вышло. Идеалы забылись, пошла просто жизнь. Потекла мутным ручьем.

Привратный квартал в Новом Пекине был оцеплен. Я показал пропуск, выданный мне Варламом, и был пропущен. «Туда давай», – указал мне направление дюжий охранник.

Этот был наш, твердианский, зато второй охранник, остановивший меня чуть далее, поинтересовался, какого мне,

собственно, рожна тут надо, с классическим акцентом, выдававшим землянина. Ну и ну. Наваждение какое-то... Мы выгнали их в дверь — они в окно влезли. И никто, ну решительно никто из моих соотечественников не только не предпринимал попыток угостить их свинцом, но даже не морщился, глядя в их сторону! Потрясающе. Если отец прав и мы все-таки взобрались на новый виток спирали, то эта спираль подобна резьбе с очень малым шагом.

Очень хотелось сказать землянину какую-нибудь колкость, да только Марция научила меня помалкивать. Вернув мне пропуск, землянин сплюнул на асфальт и кивнул в сторону толпы человек, наверное, в полтораста: давай, мол, двигай к ним. Я поправил лямку рюкзака и двинул. До назначенного времени оставалось еще шесть минут.

Врата работали бесперебойно. Перед ними появились кое-какие дополнительные приспособления, долженствующие, вероятно, помешать диверсии, и еще один пост охраны явно для той же цели. Я сейчас же поймал себя на том, что решаю задачку, одинаково привлекательную для инженера и террориста: как преодолеть всю эту машинерию и человеческий фактор в придачу? Через минуту, когда я добрался до толпы и примкнул к ней, задача была решена.

Ха-ха. Кому теперь это надо.

Некоторые из марциан оказались из числа тех, кого я вывел из пустыни, и, конечно, узнали меня. Послышались приветствия. Я улыбался и пожимал руки. Женщины лезли ко

мне с поцелуями. Врата работали, в них въезжал длинный, как очередь за пособием, караван антиграв-платформ, доверху груженных скандиевым концентратом. В воздухе витала пыль.

– При-и-игото-о-овиться!..

Толпа заколыхалась, как бестолковая амеба. Какие-то ребята в униформах, судя по ухваткам – земляне, без особых церемоний выстроили толпу в колонну по одному. Получилась длинная многоножка.

– Держаться вплотную за впередиидущим, без очереди не лезть, колонну не ломать, во Вратах не мешкать! – свирепо проорал кто-то в мегафон.

И добавил уже более добродушно:

– Все там будете.

Никакой переключки. Как будто партию товара перебрасывали с планеты на планету.

Со стороны главных ворот опростелю бежал кто-то опоздавший.

– При-и-игото-о-овились!..

Последняя грузовая платформа канула во Врата. Новую колонну платформ притормозил регулировщик с жезлом.

– Бего-о-ом... арш!

Сейчас же кто-то запутался в собственных ногах и упал, заверещав дурным голосом; натренированные ребята в униформах в момент выдернули его прочь, толкнули к хвосту колонны. Нас гнали окриками. Я опомниться не успел, как

проскочил Врата. Тут же привычно заложило уши и болезненно запульсировало в голове, ну да при гиперпереходе это дело обычное. У некоторых кровь носом идет, а у меня – ничего.

– Направо! Направо! Шевелись!

Мы дробно топотали в указанном направлении. Не знаю, многие ли из марциан успели осознать, что находятся на Земле. Для меня это было само собой разумеющимся. Пусть землянам до зарезу нужны «темпо», но не станут же они ради этого прокладывать прямой гиперканал между Твердью и Прииском! Задержка-то от силы двухминутная.

Избытком вежливости персонал не страдал. Нас гнали как баранов. Живее! Еще живее! Каждая секунда работы гиперканала – это деньги, и немалые. Лишь марцианская цивилизация могла позволить себе сутками держать каналы без дела, но где теперь та цивилизация? Сгорела. Вспыхнул небесный фонарик – и нет ее, как и не было. На сей раз господин Случай решил подыграть землянам – для равновесия, наверное.

Только перестарался.

– Прямо! Во Врата!

Никаких потерь времени на дезинфекцию – нас ведь не собирались выпустить на Землю. А на Прииске, наверное, дезинфекция своя...

Я нырнул. Вновь заложило уши. Игла в моем черепе зашевелилась активнее. Чужие запахи ударили в нос.

Я был на Прииске.

Беготня по коридорам под постоянные понукания повторилась с одним отличием: здесь персонал был не столь груб, как на земном пересадочном узле. Что, впрочем, и понятно: этот мир предназначался для очень дорогих в буквальном смысле гостей и их obsługi. Мы были в нем случайными гостями.

– Проходите в дезинфекционную, мужчины направо, женщины налево...

Мой рюкзачок уехал от меня по конвейерной ленте вместе с вещами других пассажиров, а я оказался в раздевалке. Нас по-прежнему поторапливали, но хоть не орали с выпученными глазами, и на том спасибо. Я помылся, поднырнул под стенку в узком бассейне, где вода синела как купорос и шибала в нос резким запахом, был облит из душа еще каким-то раствором, высушен под струей теплого воздуха и наконец облучен чем-то таким, от чего волоски на моей коже встали дыбом. Готово – теперь вставай к резиновой ленте и жди, когда к тебе приедут твои вещи.

– Кормить нас будут или нет? – брюзгливо осведомился некто проголодавшийся – явно не из тех, кого я водил по пустыне, как Моисей.

– Будут, только не нас, а нами, – отвечивал я.

Марцианин воззрился на меня в ужасе.

– Это как?

– Элементарно. Для чего нас раздели, а? Мы уже полуфаб-

рикаты, осталось забить и переработать. Разве вам не говорили, что у обитателей Прииска не совсем обычные гастрономические пристрастия?

Проголодавшийся поспешил отойти от сумасшедшего.

Как только мы оделись и получили свой простерилизованный багаж, нас сейчас же погрузили в здоровенную пассажирскую колымагу на антиграве. Еще не все заняли свои места, как пилот взлетел, да еще с таким ускорением, что можно было только дивиться, как никто из пассажиров не поломал костей. Микробиологи Прииска желали заполучить нас возможно скорее, хотя наша партия носителей «темпо» наверняка была не первой и уж точно не единственной. Эти ребята действовали по принципу «хорошего мало не бывает».

Что ж, принцип верный – конечно, если средства на проект отпущены без скупердяйства.

Очень скоро я понял: на нас особенно не экономили. Зато не теряли времени и торопили нас так, что только успевай поворачиваться.

К тому времени, как уже почти все «морские свинки» громко требовали еды, каждого из нас подвергли наружному осмотру и просвечиванию, у каждого взяли образцы крови, мочи, спинномозговой жидкости, спермы у мужчин, околоплодной жидкости у беременных женщин, слюны и желудочного сока. Затем каждого заставляли ускоряться, и тех несчастных, у кого это не получалось, стимулировали электрическими разрядами и прочими инквизиторскими дости-

жениями человеческого ума. На вопли и брань никто не обращал внимания, а на случай физического сопротивления в помещении присутствовали дюжие санитары. Я смог ускориться через великое насилие над собой, но все же без посторонних стимуляторов – и что же? Процедура взятия анализов повторилась заново в той же последовательности. И только потом мне было позволено посетить столовую и считать себя временно свободным – до вызова.

Я пообедал, или, вернее, поужинал, – блюда оказались сплошь незнакомые, но на вкус очень даже ничего – и отправился осматривать территорию. Она была огромна и невероятно красива. Тот, кто занимался проектированием ландшафта, обладал вкусом настоящего художника, да и материал для работы, наверное, был самый подходящий. Абы какую планету не превратят в рай для богатеньких. В Галактике до черта землеподобных планет, но лишь каждая сотая из них годится, и то чисто теоретически, для более-менее нормальной жизни *Homo sapiens* – прочие либо чересчур холодны, либо излишне горячи, либо тектонически активны, либо имеют не пригодные для дыхания атмосферы... в общем, слишком много «либо». Бывает и так, что местная биосфера и человек – два несовместимых понятия, причем флора-фауна планеты достаточно сильна, чтобы постоять за себя.

Биосфера Прииска сдала себя с потрохами. Я не большой специалист по земной биологии, но, кажется, трава, кусты и деревья на территории биоцентра принадлежали к земным

породам, и чирикающие в ветвях птички – тоже. Иное дело ландшафты – тут было на что посмотреть. Там и сям из почвы торчали скалы – невысокие, но таких форм, что за целый день не налюбуешься. Далекий от искусства человек вроде меня и тот был обречен поминутно цокать языком в восхищении. С подобия плато – я не разобрал, рукотворного или естественного, – срывался изумительной красоты водопад-веер в сотню весело журчащих струй. Куда там поместью Майлза Залесски на Тверди – сейчас оно казалось мне замухрышкой рядом с принцессой. И над всем этим великолепием теплое ласковое солнышко, совершенно не жгучее, и густая синь неба, и легкомысленно-кудрявые облачка... Ни земных москитов и слепней, ни твердианских волчьих жуков – никто не жужжал перед лицом и не пытался покусать меня. Естественно, никаких крупных хищников.

Приминая траву, проползла крупная черепаха. Вдали пробежал какой-то зверек – кажется, заяц. И только. Я подумал было о волках, без которых расплодившиеся зайцы сожрали бы всю траву, и отверг эту мысль. Наверное, для поддержания баланса было достаточно лис и филинов. А может, на Прииске обитали специально выведенные зайцы с малым сроком жизни, погибающие после первого приплода? Местным генетикам это раз плюнуть.

Меня не очень удивило бы и известие о том, что местные зайцы, когда приходит их срок, закапываются в землю и прорастают картофельными кустами. Нет, лучше ананасами.

Внезапно в небе загорелся яркий слоган: «Котопсы – верные друзья и надежные защитники! Только достоинства и никаких недостатков!» – повисел минуту-другую, затем рассыпался фейерверком и погас. Ну ясно, на Приiske фабриковали и домашних животных с заданными свойствами. Любой болван с банковским кредитом мог купить опасную, как гризли, сторожевую псину, фанатично преданную хозяину, однако не лишенную собственного достоинства и покошачьи чистоплотную. Экстравагантный богач мог заказать штучное изделие, скажем, носорога с темпераментом хорька, а то и вовсе нечто, не имеющее даже отдаленных аналогов ни на Земле, ни на Приiske, ни в любом освоенном людьми мире.

К счастью, новых рекламных слоганов в небе не возникло, не то мое воображение разыгралось бы не на шутку. Вокруг было достаточно красоты, чтобы просто-напросто отдыхать душой, а не содрогаться, изобретая в уме монстров.

Я бы еще бродил, любуясь природой, но тут запищал имплантированный мне под кожу тыльной стороны ладони датчик местонахождения, он же сигнализатор срочного вызова. Игнорировать его было можно, но требовало изрядной силы воли – очень уж чесалась кожа над вмонтированной горошиной. Ругаясь и почесываясь, я заспешил в сторону лабораторных корпусов.

– Следовательно, вы не марцианин?

– Я родом с Тверди.

Двое в белых халатах переглянулись.

– Это интересно, – сказал один. – В каком возрасте вы впервые подверглись темпированию?

Отец не говорил, должен ли я скрывать свой первый визит на Марцию. Но он также настаивал на том, чтобы я был открыт и не хитрил.

– В двадцать лет.

– И все это время неотлучно жили на Марции?

– Нет. В первый раз я пробыл там недолго. – Я ухмыльнулся. – Марциане устроили у себя нечто вроде школы подпольщиков из числа жителей земных колоний. Несколько недель жизни под «темпо» – и до свидания.

Белохалатники снова переглянулись.

– Но ведь вы прибыли к нам...

– С Тверди, – сказал я. – А на Твердь попал с Марции. Вместе с кучей перепуганных аборигенов. После войны я два года работал на Марции в составе дипломатической миссии.

Белохалатники закивали – теперь я был им понятен. Более того, отныне я, вероятно, представлял для них несколько большую ценность, чем рядовой марцианин. Те всегда жили под «темпо», даже когда были эмбрионами, ну а я – несколько иное дело. По тому, как оживились глаза ученых мужей, я понял, что они уже записали меня в особо примечательные биологические объекты. Этакая специальная морская свинка, чей удел – положить голову на алтарь науки не просто

так, а с особым смыслом.

По правде говоря, я рассчитывал на совершенно противоположное. Но пока приходилось терпеть.

Меня отделили от марциан, перенесли мои вещи в другой жилой корпус и допоздна подвергали то одной малопонятной процедуре, то другой. Вновь брали анализы, помещали в какие-то аппараты, вводили что-то под кожу, заставляли глотать разноцветные пилюли, вынудили еще раз ускориться... На сей раз мне удалось продержаться секунд десять, после чего я выпал в нормальное течение времени совершенно обессиленным и в попытке не упасть чуть не сорвал с лаборантки одежду, хватаясь за все подряд. Никто не отвечал на мои вопросы, и я перестал задавать их. Лабораторной морской свинке полагается знать свое место. Кого интересует ее мнение о проводимых над нею опытах?

Наконец меня отпустили. Был теплый вечер. В бархате неба горели алмазы – звезды Прииска. Ярких звезд было больше, чем у нас на Тверди, и больше, чем на Земле. Я подумал, что Прииск, наверное, находится в спиральном рукаве или, по меньшей мере, внутри богатой звездной ассоциации. Черт знает что. На этой планете даже небо было редкостное, приятное глазу тех, кто еще не ослеп от многолетнего изучения биржевых сводок!

Санитар пожелал мне спокойной ночи и сгинул, а я повалялся на кровать. Она была какая-то особенная – то ли пневмо, то ли гидро, я не разобрал. «Завтра разберусь», – успо-

коил я свою инженерскую любознательность. Вставать с такого лежбища не хотелось, вдобавок меня здорово утомили все эти научные процедуры. Не хотелось вставать даже ради того, чтобы раздеться.

Стук в дверь.

– Кто там еще? – зарычал я. – Не заперто!

Вошла молодая женщина. Она была прекрасна. Нет, не так... Она была настолько хороша, что моментально приковывала взгляд, и этот взгляд сейчас же начинал искать в ней хоть какой-нибудь изъян, но не находил. От этого становилось немного неприятно. Черт побери, раньше я не замечал за собой привычки хмуриться в обществе прекрасных женщин!

Пришлось, конечно, встать. У нас на Тверди нравы во многом еще патриархальные. Где-то, может, и забыли, что мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина, но у нас пока еще помнят.

Светлые пышные волосы. Облегающее платье из тех, о которых говорят, что они подчеркивают фигуру. Ерунда! Фигурка моей гостьи не нуждалась в подчеркивании; засунь ее в водолазный костюм – я бы и тогда залюбовался. Да что там я – любого на моем месте хватил бы легкий шок.

– Э-э... – протянул я. Все-таки человек так и не выбрался из животного царства. Когда ему нечего сказать, он или мычит, или блеет.

– К вашим услугам, – обворожительно улыбнулась гостья.

Голос у нее был низкий, с этакой легкой чувственной хрипотцой. – То есть к твоим услугам, милый.

– В смысле? – Наверное, я имел ошарашенный вид.

– Я прикреплена к тебе для оказания услуг, – пояснила красавица. – Я умею...

Последовал длинный перечень того, что она умеет на среднем уровне, что она умеет хорошо и в чем она выдающийся специалист. Я не монах, я никогда им не был, но все же покраснел. И еще подумал об аппаратуре наблюдения, весьма вероятно имеющейся в моих апартаментах.

– Э-э... как вас зовут? – промямлил я.

– Не имеет значения. – Она дернула плечиком. – Зови меня так, как тебе нравится, если только ты не предпочтешь звать меня по серийному номеру. Я андроид-феминормф. Лучше называй меня феминормом, поскольку «андрос» по-древнегречески – мужчина. – Ослепительная улыбка сопровождала сему проявлению эрудиции. – Ты можешь вести себя со мной сколь угодно вольно, но я обязана предупредить, что являюсь ценным имуществом и с тебя может быть взыскана компенсация за причиненный мне ущерб. – Новая улыбка. – Ты ведь не садист?

– М-м... Насколько мне известно, пока нет.

– Тогда дай волю своей фантазии, – пригласила гостя. – Сорви с меня платье. Или ты хочешь, чтобы я разделась сама? Сейчас, милый. – Извиваясь ящеркой, она начала вылезать из платья. – Посмотри на меня. Неплохо, правда? У ме-

ня отличная генетическая карта, а генотип, как ты, наверное, слышал, определяет фенотип. – Она высунула розовый кончик язычка, давая понять, что шутит, и вдруг бурно задышала. – Где ты, милый? Помоги же мне, иди скорее...

В этот момент в дверь опять постучали.

Глава 3

Вошел крупный мужчина – вошел раньше, чем я принял решение, что ответить: «Войдите» или «Сюда нельзя»? Он и не стал дожидаться ответа – просто вошел, постучав в дверь для чистой проформы. Этак уведомительно постучав.

Женщина-андронид, она же феминоид, прекратила шумно дышать и приостановила процесс выползания из платья.

Мужчина оценил ситуацию одним взглядом. Чуть заметно усмехнулся.

– Не помешал?

– Нисколько, – честно ответил я.

– Тогда брысь! – Посетитель выразительно посмотрел на феминоида.

Феминоид посмотрела на меня, как видно, ожидая подтверждения приказа. Я легонько кивнул: давай, мол, уматывай, детка.

Все-таки я не привык так легко ублажать свои желания в этой сфере. На Тверди все еще царят добрые старые нравы, хоть и начинают трещать по швам. На Марции отношения между полами были свободнее, но все равно не то, что здесь. Во всяком случае, выращивать искусственных шлюх марциане не додумались.

Посетительница безропотно испарилась, аккуратно приотворив за собой дверь, а посетитель придвинул кресло к сто-

лику и сел. Я уже не гадал, кто он такой. Я знал это. Не думал только, что меня возьмут в оборот так скоро.

Мне, дилетанту среди дилетантов, пришлось самостоятельно изучать основы искусства вербовки. Не такое уж это искусство на самом деле. Ничего особенного. Главное – не унижать вербуемого ни словом, ни взглядом, и пусть бедняга искренне полагает, что на самом деле это он *сниходит* до сотрудничества с довольно-таки примитивным типом. При этом вербовщик обычно бывает сер и невыразителен, зато настойчив до нахрапистости. Нет, в особых случаях применяются и иные схемы, но эта основная. Как ни странно, она работает, даже когда вербуемый – профессионал.

Посетитель действовал именно по этой схеме. Для начала он вынул из внутреннего кармана плоскую темную бутылку с незнакомой этикеткой и водрузил на стол.

– Не возражаете?

– Не из чего пить, – сказал я. – Разве что стакан где-то был... в ванной, что ли?

– Как так? – Он удивился, поискал глазами по комнате, нашел стенной бар, которого я не заметил, извлек оттуда два бокала и, вернувшись в кресло, щелкнул ногтем по бутылке. – Глисс двойной очистки. Не пробовали?

– Нет.

Про себя я решил, что название пойла, наверное, дано неспроста. Наберешься, не удержишь равновесие – и будешь глиссировать мордой по лужам...

– Его здесь производят. Фирменный напиток Прииска. Попробуйте. – Он налил мне и себе по полбокала. – Кстати, рад знакомству. Меня зовут Вильгельм. Можно просто Вилли.

– Ларс, – сказал я. – Можно просто Ларс Шмидт.

– Принято. Ларс – Вилли. – Он протянул мне руку, и я пожал ее. – Может, перейдем на «ты»?

– Не возражаю. Я с Тверди, а там мало «выкают».

Конечно, он прекрасно знал, кто я и откуда. Он также знал, что я сознательно иду на вербовку, потому что не может же быть того, чтобы я был заброшен на Прииск с такой наивной легендой и без прикрытия. Знал он и то, что я понимаю, кто он такой. Но кое-чего обо мне он не знал и знать не мог. Тем лучше. Узнает. Отец не зря велел мне ничего не скрывать. Сведения в обмен на доверие.

Мы подняли бокалы.

– За жизнь! – провозгласил Вилли. – Это хорошая штука.

– Воистину. – Я подумал о миллионах погибших марциан. Должен ли я ощущать вину за то, что я спасся, а они умерли, причем многие из них ужасной смертью? Быть может, и должен, но не буду.

Напиток оказался на диво приятным. Я помычал и почмокал губами. Вилли сейчас же вновь наполнил бокалы.

– Недурно, а? Глисс даже на экспорт идет, в том числе на Землю, – похвастался он.

– А шлюхи-феминки тоже идут на экспорт? – улыбнулся.

ся я.

– Ха-ха. Представь себе, да. Но проще экспортировать технологию. В некоторых колониях, скажем, на Прокне, нехватка женщин, а без них ведь полноценного общества не создашь, озвереют контрактники, начнутся проблемы... Конечно, там производятся упрощенные модели, часто даже без речевой функции, однако жалоб нет. Кому приятно после работы в шахте слышать бабью трескотню? Ха-ха. А тут – получай сплошные преимущества без недостатков. Да ты сам это оценишь, Ларс, дай срок. – Он похабно подмигнул.

– Не знаю. Ты вовремя пришел, вот что я тебе скажу, Вилли. Признаюсь, я немного растерялся. Привыкнуть надо... Выпьем?

– Спрашиваешь!

Вторая порция спиртного проскользнула в желудок еще успешнее, обласкав по пути пищевод. Последовала судорога удовольствия.

– М-м-м!..

– Божественно, да?

– Не то слово.

– Повторим?

– Можно повторить, – согласился я. – А можно сразу перейти к делу. Можно еще...

– Что можно? – спросил Вилли.

– Совместить.

Он хохотнул и налил еще. Чем дольше длилось наше об-

щение, тем сильнее я ощущал пренебрежение к этому типу. Рослый, но фигура не шибко спортивная, и на физиономию невзрачен. Не интеллектуал. Просто тип как тип, таких много...

Стоп, сказал я себе. Так и было задумано, не ловись на старые трюки. Соберись. Будь искренним, да так, чтобы он поверил, что ты не играешь в искренность, но и лишнего не болтай. Этот Вилли не столь прост.

– Думаю, мне не нужно официально представляться, – сказал Вилли. – Ты уже догадался, из какой я конторы. А мы знаем, кто ты: один из самых яростных наших противников, немало сделавший для провала десантной операции против Тверди...

– Бездарно спланированной и еще бездарнее осуществленной, – вставил я.

– Не спорю, не спорю... Однако это дело прошлое. Разведка же смотрит в будущее, иначе это вообще не разведка. Поэтому о прошлом упомяну кратенько... Ты два года работал на Марции под дипломатическим прикрытием. Став первым президентом Тверди, Варлам Гергай, естественно, начал создавать с нуля секретные службы и во главе внешней разведки поставил некоего Рамона Данте. Тебе ведь он известен?

– Конечно.

– Я так и думал. Но ты не подчинялся ему – наоборот, часть твердианской агентуры на Марции работала на тебя; ты же отчитывался только перед Варламом Гергаем лично.

Я не ошибся?

– Нисколько.

– Довольно любопытная расстановка, ты не находишь?

– Почему?

– Давай-ка, Ларс, еще тяпнем, а потом я тебе скажу почему. Твое здоровье! М-м... Знаешь, нам удалось собрать о тебе кое-что. Прости, но ты не суперагент, это заметно. Кроме того, Варламу Гергаю просто негде было взять суперагента, а вырастить его не было времени. Тем не менее ты находился в совершенно исключительном положении. Почему? Возможен только один ответ: Варлам Гергай доверял тебе как никому другому. Ведь это он прислал тебя сюда?

– Можно я пока не отвечу ни да, ни нет?

– Можно. Но я был бы признателен за откровенный ответ: по какой причине Варлам Гергай доверял тебе больше, чем многим и многим?

Я мысленно вздохнул. Легко договариваться с тем, кто полностью от тебя зависит. Сегодня Вилли выпала непыльная работенка. Посмотрел бы я, как бы он крутился на Марции!

– Он мой отец.

Как говорил Фигаро, была бы на то воля божья, я мог бы быть и сыном принца. Что тут особенного? Но Вилли явно не ожидал такого признания с моей стороны. На какое-то мгновение он даже выпал из образа, но тут же загнал себя обратно.

– В каком смысле отец?

– В биологическом.

– Вот даже как? Что ж, тогда все становится более или менее понятно.

– Не пояснишь?

– Есть политики – они преобладают, – для которых нет ничего важнее личной карьеры, – сказал Вилли. – Есть другие – их жалкое меньшинство, – последовательные и неутомимые борцы за некую идею, не связанную напрямую с личным преуспеянием. Варлам Гергай относится и к тем, и к другим; для него благо Тверди и личное благо всегда были нераздельно связаны. Поняв, что с благом Тверди без помощи со стороны Земли ничего не выходит, потеряв пост президента в результате продуманной с треском гражданской войны, утратив связи на Марции вместе с самой Марцией, он теперь заинтересован главным образом в том, чтобы вернуться во власть. Задача не из легких. Поэтому он и прислал тебя сюда. Я прав?

В те времена, когда я был рядовым твердианином, а следовательно, патриотом, за такие слова мой собеседник рисковал недосчитаться нескольких зубов. Теперь же я лишь сухо ответил:

– Возможно.

– Хорошая легенда, – подмигнул Вилли. – Выпьешь еще?

– Это не легенда. Неужели так трудно проверить?

– Проверим, не сомневайся. Итак, Варлам Гергай ищет

тайных контактов и, вероятно, готов на многое в обмен на президентский пост... или, может быть, на пост премьер-губернатора?.. Шучу, шучу. Теперь половина населения Тверди в голос говорит, что при землянах жилось лучше, а вторая половина молчит, но скрипит зубами. Скажи по секрету: ты лично убивал землян?

– Конечно.

– А твой отец?

– Наверняка. Они убивали нас – мы их. Война шла.

– Я просто так спросил, – пояснил Вилли. – Никчемное это дело – война между людьми. Все это понимают, и все время от времени воюют. Странные мы существа, правда?

Я отмолчался, не понимая, куда он клонит. Хочется ему, чтобы человечество было лишено исконных черт? Чего проще – наштампуй андроидов и феминоидов с заданными свойствами психики и незаблокированной репродуктивной функцией, да и заселяй ими Галактику. Это вполне осуществимо. Вот рай-то будет!

Жаль только, что не для людей рай.

– Там, где нас больше одного, обязательно будут ссоры, – продолжал Вилли. – Где десяток – там уже гласная или негласная иерархия, борьба за лидерство, подсиживание, фракционность, унижение слабых. Как в обезьяньем стаде. Разум талдычит нам одно – инстинкты велят совсем другое. Чего уж ждать, когда мы распространились по Галактике. Хотим свободы, толком не понимая, для чего она нуж-

на, сделали из свободы идола, льем за него кровь, потом миримся и стараемся забыть о наделанных глупостях. Ты прав, Ларс, не одни только твердиане повели себя глупо. Мы тоже. Допустить, чтобы большинство населения сразу нескольких колоний возненавидело Землю, свою прародину, – это надо было уметь! Теперь нам лет сто разгрести последствия глупых решений... А что делать? Придется.

Болтай, болтай, мысленно говорил я ему. Сейчас мы с тобой еще за вечный мир между народами выпьем, за взаимопонимание между богатыми и нищими. И за торжество все-ленской гармонии. Болтай, Вилли, а я помолчу. Впрочем, я буду кивать, соглашаться и поддержу тост за взаимопонимание. Нам оно понадобится. Сын Варлама Гергая – хороший подарок для земной разведки. Разумеется, меня будут проверять и перепроверять, я к этому готов. Спросят о судьбе Треси Наглер – расскажу, чего уж там. Я ведь не убивал ее, хотя именно она вынудила меня бежать с Марции, а значит, спасла мне жизнь. Так уж совпало. Благодаря ей я имел фору перед большинством марциан и успел спастись, когда – вот уж невероятное совпадение во времени! – по Марции шарахнуло всей энергией гамма-всплеска. Я всего лишь оглушил и связал Треси, но убил ее гамма-всплеск. Можно сказать, что земная разведка потеряла ценного агента на Марции вне моего участия, и почти наверняка это невозможно будет проверить, но я не стану хитрить. Искренность – мой козырь. С другими козырями у меня плоховато.

Весь следующий день я был морской свинкой. Глисс не оставил мне похмелья, но белохалатник все равно выбралил меня за вчерашнюю попойку и велел ускориться. Я не смог. Последовала инъекция под кожу, меня трясли за плечи, били по щекам, сунули под самый нос ядовито-красное шевелящееся насекомое размером с ладонь и с вот такенными жвалами – все для того, чтобы я вышел из себя либо от гнева, либо от страха и ускорился хотя бы на секунду. Дохлый номер, ничего не вышло. Снова были анализы и просвечивания. И так – от одной процедуры до другой с получасовым перерывом на обед – я дотащился до вечера и был наконец отпущен.

Кто-то из литературных персонажей уверял, что ни за что не стал бы узником, даже за большое жалованье. Морской свинкой он не был, вот что! Быть просто узником раз в сто лучше.

Я продолжил исследовать территорию. На сей раз я дошел до забора, в смысле, до некой прозрачной преграды, чуть проминавшейся под моим нажимом и неизменно выталкивавшей меня обратно. Видимо, какое-то силовое поле, но какое и как оно генерируется, я так и не понял. Может, я и был неплохим инженером, но о таком и не слыхивал. Интересно, а пропустит ли невидимая преграда плевков?..

Пропустила.

Его, значит, да, а меня, значит, нет? Следует ли из этого,

что я, по чьему-то мнению, не стою и плевка?

Решив не заходить так далеко в умозаключениях, я двинулся вдоль невидимой стены – и зря. Ничего там не было интересного. Технология технологией, а психология психологией – никакой хозяин не станет размещать эстетически выигрышные объекты на задворках своих владений. Мне встретилось несколько сооружений явно технического назначения, выполненных не без изящества, но далеко не на уровне «ах, какое чудо!». Зато сквозь прозрачный забор я увидел чужие владения – черт знает чьи, но чужие. Я увидел дома фантастической архитектуры в окружении скал и зелени. Журчали речки и ручьи, грациозно изгибались водопады. Подземный рев заставил меня вздрогнуть, но это всего-навсего начал извергаться горячий гейзер. Побесновался с минуту и опал, лишь ветерок погнал вдаль клубы пара. Крупная белка проскакала сквозь невидимую преграду – зверушкам не возбранялось пересекать границы владений.

Вот и радуйся после этого, что ты царь природы!

Но досада прошла, как только я отошел от невидимой ограды. При некотором усилии я мог вообразить, что ее нет вообще. Территория была велика. Разве инфузория в капле воды знает, что ее мир ограничен объемом капли? Вот и мне не надо об этом задумываться, а надо долечивать нервы после Марции. Местные терраформирователи-дизайнеры были настоящими художниками, куда ни глянешь – поневоле залюбуешься.

Дивный мир! Не для меня, мне бы со временем здесь надоело, однако же о психологическом комфорте здесь думали в первую очередь. Повсюду красота, но везде разная. Ни настоящей зимы, ни настоящего жаркого лета, ни ураганов, ни мерзкой ненастной погоды. Я уже успел узнать, что дожди идут здесь по расписанию, а приходящие с океана тайфуны над океаном же и рассеиваются, даром теряя разрушительную мощь, и время от времени треплют лишь несколько почти безлюдных островков. Может, это как раз тот мир, о котором мечтали бесчисленные поколения наших предков, надеющихся, что когда-нибудь человек станет настолько могущественным, что устроит себе этакую благодать?

Ага, как же. Устроить-то он может, но не для всех. Девять человек из десяти, помести их в этот рай, утратят стимул из кожи вон лезть, чтобы добиться чего-то. Кто там вообразил, что в прекрасном мире и люди станут прекрасными? В точности наоборот. Человек – странная скотинка. Может, его и не надо бить палкой, чтобы он своротил горы, но горы-то, нуждающиеся в сворачивании, перед ним должны быть! У-у, тогда он – человек! Преобразователь, настырный упрямец, проламыватель препятствий головой. Но раздвинь горы, расстели перед ним кодовую дорожку – иди, мол! – и он обрадуется, конечно, зато перестанет понимать, зачем нужна такая жизнь. Обычно это плохо кончается.

Я и сам замечал: если все время жевать кремовые пирожные, то спустя какое-то время черствая корочка покажет-

ся изысканным лакомством. Может, где-нибудь на Прииске специально предусмотрены гадкие и опасные места для бездельников, уставших от красот и комфорта?

Откуда мне знать. Спрошу при случае. Да ведь это ж какую силу воли, какой стальной стержень внутри надо иметь, чтобы хоть на время расстаться с осточертевшим раем! Этакая благодать постепенно растворит любой стержень.

Я все еще любовался дивными ландшафтами, но мысли переключились на другое. Любопытно было бы знать, появляются ли на Прииске черные корабли? Если да, то это форменный непорядок, источник душевного дискомфорта для обитателей рая! Отогнать! Кыш! Кыш! Ага, как же... Вот ведь беда с этими черными кораблями: летают, где им вздумается, и никакой, даже самый влиятельный местный богатей им не указ. Плевать им и на богатеев, и на правительства, а над разведками нескольких планет они просто издеваются.

Нельзя сказать, что моя работа на Марции была совсем уж безуспешной. Черные корабли остались загадкой, но, во всяком случае, мне стало ясно: марцианские спецслужбы почем зря обломали зубы об этот орех. Им было известно столько же, сколько мне. Черные корабли неуязвимы и легко уничтожают тех, кто докучает им глупыми атаками, – это раз. Черные корабли не являются продуктом технологии ни одного из известных людям миров – это два. Наконец, черные корабли проявляют некоторое любопытство к освоенным людьми планетам, причем степень их любопытства (ча-

стота появления черных кораблей) не коррелирует ни с численностью народонаселения, ни с достигнутым уровнем цивилизации. Так, например, на Марции они появлялись настолько часто, что я сам видел их дважды, на Тверди их появление было зафиксировано заслуживающими доверия наблюдателями всего-навсего трижды, а на Земле – несколько десятков случаев, существенно больше, чем на Тверди, но гораздо меньше, чем на Марции.

Я располагал косвенными сведениями о наблюдениях черных кораблей и на некоторых других обитаемых планетах. Может быть, в повышенном интересе гипотетических хозяев черных кораблей именно к Марции и была какая-то логика, но от меня она ускользала.

Потом зачесалась кисть руки и тихонько запищал датчик – надо полагать, меня звали ужинать.

– До сих пор ты жил, прости меня, в захолустье, – внушал мне Вилли. – Нельзя же вечно смотреть на мир из дупла. Марция? Она по-своему тоже была захолустьем. А на Земле ты пробыл недолго и больше штудировал учебники, чем изучал метрополию. Теперь ты посмотрел на кусочек Прииска. Неплохо, не так ли? К сожалению, я не могу предложить тебе обосноваться здесь прямо сейчас. Впоследствии – иное дело... если, конечно, тебе подойдет мое предложение. Вселенная громадна, и дел в ней неувпоровот, особенно для людей нашей профессии. Тебя ожидает интересная жизнь...

Или внезапная смерть, договорил я за него. А может, и не внезапная. Может, медленная и желанная, как глоток воды для умирающего от жажды. Как повезет.

– ...И скучная старость? – хмыкнул я.

– Почему скучная? – удивился Вилли. – Прииск – разнообразная планета, ты еще многого не видел...

Ага, подумал я. Стало быть, мои мысли насчет черствой корочки после пирожных не были такими уж беспочвенными. Хотя здесь и «корочка» небось искусственно созданная и тщательно обезвреженная.

– Приятная планета, – согласился я. – Но не для меня.

– О, это по-нашему! – Вилли хлопнул меня по плечу. – Знаю, знаю, чего тебе хочется. Ты ведь весь в отца, не так ли? Не зря же он тебе доверяет. Ну что ж, лет этак через пятнадцать, но не исключено, что даже раньше, ты можешь стать президентом Тверди – при нашей поддержке или даже без оной. С нами, конечно, достигнуть этой цели будет несколько проще...

Я согласился с его мнением. Чисто теоретически – почему бы нет? Времена меняются, и тот, кто был вчера врагом, завтра может оказаться лучшим другом. Земляне могли на ушах стоять от радости. Непримируемая Твердь, о которую они обломали зубы, ныне сама шла под покровительство Земли. Правительство Игнатюка уже прогнулось под бывшую метрополию, а теперь и Варлам Гергай, столп и рупор независимости, поднял кверху лапки и для пущей убедительности

даже прислал бывшим врагам сыночка, родную кровь, причем не просто в заложники, а в качестве ценного подарка, рассчитывая, естественно, на ответный шаг...

Во второй беседе с Вилли я расставил точки над «і». Варлам Гергай внезапно возлюбил Землю и землян? Черта с два, он по-прежнему терпеть их не может, но он реалист. Политик, руководствующийся личными симпатиями и антипатиями, профессионально непригоден. Бывший президент Тверди считается с текущим раскладом сил и готов кое-чем поступиться, даже выйти из Лиги Свободных Миров. Твердь по-прежнему останется «минеральной республикой» и будет поставлять на Землю скандиевый концентрат по весьма умеренным ценам – Земля же не будет совать нос во внутреннюю политику республики. О сердечной дружбе речи нет, но союз вполне возможен. Разве Земле не выгодно поддержать – негласно, конечно, – такого союзника?

– Или, в крайнем случае, его сына, если с папашей ничего не выйдет? – намекнул Вилли на некоторую одиозность кандидатуры отца.

– В самом крайнем случае, – твердо сказал я.

– А сын тоже не любит землян? – широко улыбнулся Вилли.

Я мог бы многое рассказать ему о том, что творили силы вторжения на моей планете, но какой смысл мешать строительству мостов через пропасть?

Особенно если мосты эти – фальшивые.

– Я любил одну женщину с Земли.

– О! Как ее имя?

– Не хочу называть. Она прокляла меня – и поделом.

– Не буду настаивать, – уступил Вилли. – Но, может, ты расскажешь мне о судьбе Треси Наглер?

Такие разговоры вроде фехтования. Вот он, якобы неожиданный укол.

Я рассказал. Не знаю, поверил ли мне Вилли, но слушал он внимательно.

– Откровенно говоря, я никак не ожидал, что земная разведка выйдет на мою сеть раньше контрразведки Марции, – закончил я.

– Нечем хвастаться после нокаута. – Вздыхнув, Вилли налил нам по полному бокалу глисса. – В катастрофе погибла и наша сеть, и ваша, и контрразведка Марции... Ты, правда, уцелел. Если бы не космический характер катастрофы, у меня возникло бы к тебе много вопросов...

– Не по адресу, – буркнул я. – Теперь у многих есть вопросы к землянам. Главным образом, у тех, кто не умеет складывать два и два, а среди людей таких большинство.

– Давай выпьем, – сказал Вилли.

Благородная жидкость весело побежала в желудок. Все-таки в память о погибшей планете надо пить что-нибудь совсем другое.

Для дела это, впрочем, не имело никакого значения. Вилли был уполномочен сделать мне предложение. Я принял

его. В первую очередь мне предстояло слить земной разведке все то, что мои люди сумели накопать на Марции, и в первую очередь – по черным кораблям. Я думал, что Вилли заинтересуется прежде всего материалами по «темпо», к которым я почти не имел касательства, – и ошибся.

Теперь Земля располагала тысячами образцов живой человеческой ткани с марцианскими симбионтами. Вопрос заключался лишь в том, чтобы научиться выращивать «темпо» вне Марции, и этот вопрос мало касался разведки. Во всяком случае, тут я ничем не мог помочь землянам, да и не хотел. Но Вилли, как я вскоре понял, в первую очередь интересовали черные корабли.

– Мне нужен полный отчет к завтрашнему вечеру, – сказал он. – Успеешь?

– Не от меня зависит.

– Научники оставят тебя в покое.

– К чему такая спешка? – ухмыльнулся я. – Я бы еще побыл биологическим объектом...

С минуту он смотрел на меня молча. Очень серьезно смотрел. Потом сказал:

– Восемнадцать лет назад мы основали колонию на... одной планете одной звезды. Колонисты называют планету Мачехой, и у них есть на то все основания. Поганый мир. Официального названия у колонии нет, и неясно, стоит ли нам продолжать цепляться за эту планету. Но главное не это. Мачеха находится на два с половиной парсека ближе к источни-

ку гамма-всплеска, чем Марция. Так вот: на Мачехе не произошло никакого катаклизма. Абсолютно никакого.

Глава 4

Мне снились черные дыры – разумные черные дыры, способные на злобные поступки и очень хорошо умеющие ждать своего часа. Мне снились живые звезды – пухлые самодовольные гиганты, беспечно транжирящие сами себя на излучение, и мелочные скопидомы-карлики. Мне снились квазары и активные ядра галактик, которые сквернословили, переругиваясь друг с другом. Сам великий Космос был живым и молча недоумевал, откуда в нем развелось столько беспокойной всячины. В конце концов весь этот вселенский зоопарк взорвался и разбудил меня.

Сердце билось ничуть не торопливее обычного ритма. Мне просто не понравился дурацкий сон, а еще не понравилось, что мое подсознание играет во сне в такие игры. Я уже давно не впечатлительный деревенский парнишка. Мне далеко за тридцать, если говорить о биологическом возрасте, и я много чего повидал. Я вовсе не поэтическая натура, хотя и теперь иногда увлекаюсь, решая какую-нибудь инженерную задачу просто для удовольствия.

Кстати об инжиниринге... Я не физик, мое образование было более конкретным, и вот оно-то со всей силой протестовало против нарушения закона причинности. Как слияние двух нейтронных звезд могло породить гамма-всплеск катастрофических масштабов, уничтоживший Марцию, но

не тронувший Мачеху? Два с половиной парсека – это сколько же в световых годах? Восемь и пятнадцать сотых. Вот именно столько времени назад – восемь лет и без малого два месяца – поверхность Мачехи должна была быть хорошо прожарена, чего, однако, не случилось. Почему?

Гамма-всплеск был сильно асимметричным? Пусть так, но провалов с нулевым излучением в каком-то направлении не должно было быть – это мне объяснил тот спасшийся с Марции научник, который прикидывал энергетику гамма-всплеска, бредя за мной по сухому руслу в Прибрежной пустыне. Мачехе должна была достаться, возможно, меньшая доза гамма-квантов и сверхэнергичных частиц, но все равно мало бы не показалось. Но чего не было, того не было. Жизнь на Мачехе была не сахар, но люди все еще продолжали жить и работать там. В серьезную ошибку с определением межзвездных расстояний я, как здравомыслящий человек, не верил.

«Скажу более, – внушал мне Вилли. – Мы послали на Мачеху туннельный корабль, оснащенный астрономической аппаратурой. Двойной пульсар выглядит оттуда точно так, как он и должен выглядеть. Нет там черной дыры. Не было слияния нейтронных звезд. Не было гамма-всплеска».

«Не знаю, связаны ли визиты черных кораблей на Марцию с уничтожением жизни на ней, и никто не знает, – говорил еще Вилли, – но мы обязаны учитывать и такую возможность. Даже висельник имеет право знать в точности, что его

ждет. Черные корабли наблюдались и на Земле, но не забывай, что они наблюдались также и на Тверди...»

«В целом ряде случаев гораздо надежнее доверять проведение операций не землянину, а надежному человеку со стороны, – говорил Вилли. – Ты не возражал бы поработать некоторое время вне Тверди? Ну вот и отлично. У тебя есть некоторый опыт, но его недостаточно. Тебе придется пройти дополнительную подготовку...»

Ну, подготовка подготовкой, а что же все-таки погубило Марцию? Где располагался источник гамма-шквала? Сравнительно недалеко от Марции? Но почему тогда марциане, тщательно пекущиеся об обороне, ничего не заметили? Да и энергетика процесса все равно должна была быть за пределами, пока еще не доступной землянам. А больше вроде и некому...

Да и не проявил бы Вилли такого беспокойства, если бы Земля была виновной в уничтожении конкурирующей цивилизации.

Получалась чертовщина. Чисто природный процесс не мог бы развиваться по такому сценарию. Вселенная любит преподносить нам сюрпризы, но это слишком даже для нее. И – черные корабли. Одно с другим связал бы и ребенок. Два непонятных явления, рассмотренные во взаимосвязи друг с другом, могут привести к пониманию – чисто теоретически, конечно.

Пока что никакого понимания не было и близко.

Но если Марция уничтожена сознательно, то должен быть тот, кто ее уничтожил. И кстати: почему этого вероятный «кто-то» нанес удар по Марции, а не по Земле, например?

Или Земля – следующая?

А потом? Может, Твердь?

«Нам пора кончать с конфронтацией, – убеждал Вилли. – Пока мы ссоримся, вводим экономические санкции, делимся на блоки, наносим друг другу удары и занимаемся тому подобной мышьиной возней, кто-то пристально следит за нами. Да пусть бы следил! Но он грубо вмешивается, Марция тому пример. Уже идет война, дружище Ларс, необъявленная война с непонятными целями. Верхом глупости было бы сейчас не объединить усилия хотя бы спецслужб разных планет. Ставки в игре того требуют. Не терплю громких слов, но на кону сейчас само существование человеческой цивилизации...»

Похоже, Вилли был прав. Укрепление влияния Земли на Твердь выглядело сейчас довольно-таки второстепенной задачей, с точки зрения землян. Конечно, я меньше всего воображал, что вот прямо сегодня после завтрака Земля откажется от решения второстепенных задач, но ощущал удовлетворение: дело пошло именно так, как я предполагал. Отец получит свое, Земля – свое. И я получу свое. На Тверди мне делать нечего. Я патриот своей родины, но люблю ее такой, какой она могла бы быть, а не такой, какой она стала. Не без моих усилий, между прочим!

А впрочем... если бы люди могли точно просчитывать результаты своих действий, то кто бы тогда делал хоть что-нибудь?

Сразу после завтрака ко мне появился Вилли.

– Собирайся, Ларс. Ты отбываешь прямо сейчас.

– Куда это мы отбываем?

– Не мы отбываем, а ты. Поторопись.

– А как же работы по «темпо»?

– Продолжатся без тебя. Плюнь и собирайся, черт возьми. Нет, вещи не бери, их доставят отдельно. Просто собери рюкзак, да не копайся!

Мне собраться – только подпоясаться. Никаких вещей, кроме рюкзака, у меня и не было, а рюкзак я почти не распаковывал, так что побросать обратно ту малость, что я из него вытащил, труда не составило. Незнакомый белохалатник в два счета избавил меня от имплантированного под кожу датчика. На ближайшей посадочной площадке ждал антиграв-катер таких стремительных очертаний, что летаргический инженер в моей душе проснулся и преисполнился жгучей зависти. Вилли перебросился несколькими словами с пилотом и указал мне: садись, мол. Помахал ручкой и ушел.

Я сел. Взявшись черт знает откуда, надо мною возник прозрачный, чуть радужный колпак – не опустился сверху, не выехал из корпуса, а именно *возник*. Наверное, те же фокусы, что и с прозрачными заборами, – какие-то силовые поля.

Но какие именно и как это делается – задачка не по зубам инженеру с Тверди. Тут физик нужен.

Пилот не стал терять времени и сразу же взмыл. По-видимому, у персонала на Прииске не вошло в привычку особенно цацкаться с теми, кто не платит: перегрузка чуть не размазала меня по креслу. Когда я вновь обрел способность видеть и дышать, то обнаружил, что разгон окончен и катер лег на курс. Я попытался рассмотреть, какие места проносятся под нами, и не особенно преуспел в этом. Слишком уж небольшая высота и слишком высокая скорость. Когда меня с кучей марциан везли сюда, я тоже не слишком хорошо рассмотрел Прииск с высоты птичьего полета – тот пилот гнал как на пожар. Этот мог бы посоревноваться с ним в гонках на скорость.

Деловой подход. Принял груз – сдал груз. Хотя чуть-чуть обидно, конечно.

Это какая же по счету у меня планета? Получается – пятая. Моя родная Твердь, затем Земля, далее краткая экскурсия на Саладину, потом Марция, а теперь – Прииск. Интересно бы знать, куда меня сейчас переправляют? На Землю?

Скорее всего. Хотя я совсем не рвался туда. Однако решать, да и то далеко не всегда, может лишь тот, кто не играет в наши игры. На самом деле секретному агенту довольно редко приходится принимать самостоятельные решения, для этого существует руководство, а задача агента – выполнять задания, не пугая начальство инициативами. Многим так да-

же лучше: меньше ответственности. Когда-то меня удивлял тот факт, что даже у нас на Тверди невероятное количество людей предпочитает плыть по течению, делая «от» и «до» то, что велят, и не замахиваясь на большее. Потом я привык. Если я чем-то и отличаюсь от большинства, то, право, не в худшую сторону.

Наверное, это был приступ нарциссизма, и я поспешил справиться с ним, в чем и преуспел. Чувство некоторого превосходства над окружающими дает уверенность в себе и помогает в работе лишь до тех пор, пока его удастся удерживать в приемлемых рамках.

С этой мыслью я вошел во Врата, приготовившись максимум к легкой мигрени... И сейчас же выпал чуть ли не плашмя в какую-то жижу.

От привычки падать в лужи я избавился примерно в двухлетнем возрасте. Я наверняка не упал бы, но кто-то, пожелавший остаться неизвестным, здорово толкнул меня в спину, так что выбора – падать или не падать – у меня просто не было.

Шлеп!

Рот я держал закрытым, так что не нахлебался. Глотать что попало вообще не в моих привычках. Однако я ощутил солоноватый вкус той жижи, в которую сверзился. Море?

Черта с два. Жидкость была густой, примерно как разбавленный кисель, и странно пахла – ее запах я почувствовал

еще в падении. Ни холода, ни тепла – очень комфортная температура. Я вынырнул и сразу нащупал ногами дно – всей глубины было по пояс. Осторожно вдохнул скупую порцию местного воздуха. Зря осторожничал – тут надо было дышать в полную силу легких, чтобы не задохнуться. Кислорода в атмосфере явно не доставало. Самым полезным приспособлением в этом мире были бы легкие, как у пловца, объемом литров в десять. Или дыхательная маска с притороченным к ней кислородным баллончиком.

Минуты через полторы я понял, что, пожалуй, смогу выжить здесь какое-то время, хотя о протяженности данного временного отрезка не имел ни малейшего понятия. Пожалуй, следовало исходить из предположения, что меня не намеревались убить. Для этого совершенно необязательно тащить человека через Врата – любая толковая спецслужба с легкостью организует бесследное исчезновение человека где угодно, особенно на контролируемой ею территории. Был человек – и нет его. Да и был ли? Что вы такое говорите! У вас, наверное, ложная память – такого человека вообще никогда не существовало!

Врата располагались позади меня на крохотном островке. Как и следовало ожидать, они были закрыты. Пожалуй, для меня нашлось бы местечко рядом с ними, но я решил не спешить. Еще не пришло время хвататься за соломинку. Я внимательно огляделся. Над поверхностью жижи стелился туман, ограничивая видимость несколькими десятками

шагов. Стоял полный штиль. Туман не плыл, не клубился – он просто висел над поверхностью этого киселя, он хорошо устроился и, возможно, вообще не знал, что такое ветер. Сквозь туман кое-как просвечивало местное солнце, значительно более красное, чем на Тверди, и чуть краснее, чем на Марции, хотя цвет светила мог, конечно, быть результатом поглощения коротких световых волн в тумане. Торчал из жижи каменистый островок с Вратами – по сути, просто большой валун, – но берега нигде не было видно.

Дно, по-видимому, было песчаным, с нетолстым слоем ила. Иногда мои ноги натыкались на скользкие камни. Плыть оказалось невозможно, но я мог передвигаться пешком, хотя и медленнее, чем человек, бредущий по пояс в воде. Жидкость была скользкой на ощупь, но создавала значительное сопротивление движению. Хорошего в ней было, пожалуй, лишь то, что мне не грозило ни замерзнуть, ни свариться. Из этого обстоятельства я сделал первый шаткий вывод: меня собираются продержатъ здесь некоторое время.

Возможно, довольно продолжительное время.

Я решил исходить из предположения: это просто тестовое испытание. Так сказать, проверка на вшивость. Одно из двух: либо я должен был продержаться в этом мире установленный экзаменатором период времени, либо самостоятельно найти выход – хотя бы в такое место, где человек не смахивает на муху в киселе.

Я еще раз взглянул на Врата – как и следовало ожидать,

никакого свечения внутри кольца не наблюдалось. Врата были закрыты. Проверять их ощупью я не стал: дополнять глаза руками – признак слепого или ребенка. Не хватало мне еще начать биться в неодолимую преграду всем телом, выкрикивая мольбы о помощи на потеху тем, кто, возможно, сейчас наблюдает за мной!

– Поскучайте, – сказал я вслух по их адресу. – Цирк отменяется.

Первое, что пришло мне на ум, – описать широкий круг, но так, чтобы островок с Вратами всегда оставался в поле зрения. Радиус окружности – от силы метров тридцать-сорок, иначе я потеряю мой единственный ориентир. Меньше всего мне хотелось начать блуждать в тумане вслепую.

Я выполнил задуманное. На это ушло больше времени, чем я предполагал, – через каждые шагов пятнадцать-двадцать приходилось останавливаться и глубоко дышать. Мне оставалось лишь надеяться, что вдыхаемый мною туман не агрессивен по отношению к человеческим легким.

В самом мелком месте жижя доходила мне до середины бедра, в самом глубоком – почти до подмышек. Я вовсю вертел головой, надеясь увидеть что-нибудь похожее на берег и одновременно следя, чтобы островок с Вратами не растаял в белесой пелене. Ровным счетом ничего я не разглядел и даже не знал толком, завершил ли я один виток на орбите вокруг Врат. Чертова жижя не имела поверхностной пленки, она смыкалась за мной, не оставляя следов. Отвратительный

мир – или, во всяком случае, отвратительное место в нем. В песчаной пустыне и то лучше – следы там вполне явственны, если только нет ветра, а ночью вдобавок легко можно ориентироваться по звездам. Всякому нормальному человеку нужны ориентиры, без них он беспомощен и склонен к разного рода глупостям вроде паники.

Опять-таки я мог лишь надеяться, что здесь нет хищников. Один раз жижга позади меня забурлила, но оказалось, что это лопаются пузыри газа, медленно всплывшие из потревоженного мной ила. Никто не собирался на меня напасть, но я, конечно, держал ухо востро. Одинокий и безоружный человек иной раз тоже кое-чего стоит, особенно если заметит опасность вовремя.

Итак, первая разведка не принесла результатов. Хотя... если подумать, то кое-что у меня было: сведения о глубине. С одной стороны от островка было глубже, с другой – мельче. Простейшая логика подсказывала, в каком направлении прежде всего надо искать берег.

Да, но как не потерять контакт с Вратами? Я мог принять локальное повышение дна за береговой уклон и здорово обмануться, а потом не найти обратный путь. Веселенькая перспектива! Вечно блуждать в этой слизи, надеясь на чудо, – глупое занятие. Чудеса обычно случаются, когда они тщательно подготовлены.

Решение было очевидным: нужно оставлять за собой какие-нибудь ориентиры. Вот только какие?

Я снял с себя рубашку. Она лежала на поверхности жижи и вроде не собиралась тонуть. Нет, целая рубашка – это слишком расточительно... Я оторвал рукав, завязал его с одного конца, надул и завязал с другого. Получилась этакая колбаса. Слизь забила поры в ткани, и надутый рукав лег на поверхность жижи, как надежный буюк, – жаль, нечем было его заякорить. Ну да ничего, ветра нет, течения незаметно... рискнем!

От первого буюа островок с Вратами был виден на пределе. Я двинулся дальше, глубоко дыша и поминутно оглядываясь. Когда первый буй почти растаял в тумане, я установил второй, сфабрикованный из другого рукава. Жижa теперь приходилась мне чуть выше колена, но дно, кажется, перестало подниматься. Третий буй я сделал из рубашки, превратившейся в безрукавку. Потом в дело пошли штаны. Я оставил за собой шесть буюев, однако проклятая слизь все еще доходила мне до колена. На последний буй пошли трусы. Голый, как Адам до грехопадения, весь покрытый подсыхающей корочкой, я стоял по колено в киселе, изрыгая слова, вряд ли числившиеся в лексиконе Адама. Позади меня едва виднелся мой последний буй – впереди не маячило и намекa на берег.

Мои соотечественники, особенно фермеры, мастаки по части ругани, однако настал момент, когда я понял, что начал повторяться. Описав напоследок в энергичных словах интимные отношения того, кто проложил гиперканал в этот

поганый мир, с его лошадьё, я начал успокаиваться, а заодно отдышался как следует. Успокоившись – начал думать.

Может оказаться так, что эта отмель тянется на целые километры?

Вообще-то может, но лучше исходить из того, что берег сравнительно недалеко. Возможно, он вытянут мысом по направлению к островку. Если так, то небольшая ошибка в направлении предопределила неудачу. Нужно вернуться к Вратам, собрать буй и попробовать снова, взяв курс под углом, скажем, градусов двадцать к первоначальному направлению. Не выйдет – пробовать еще и еще. Силы у меня есть, пройдет еще немало времени, прежде чем я ослабею от голода...

Пятая попытка привела к успеху. К счастью, я не отказался от нее, когда дно понизилось и мне пришлось брести по шею в жиже, – это была всего лишь локальная яма. Выбравшись из нее, я оставил буй, побрел дальше – и очень скоро увидел берег.

Он был низок и выглядел безжизненным – просто скальная плита, местами растрескавшаяся, чуть наклонно уходила в жижу. Но все-таки это был берег, и на нем мне следовало быть, потому что человек все-таки не муха в киселе. Я нашел в трещинах несколько камешков и выложил из них стрелку, направленную на ближайший буй, а значит, и на островок с Вратами. Потом, собрав буй, кое-как прикрыл наготу.

И стал думать: что дальше-то делать?

Ну ладно, теперь я могу спать и не утону. Это станет ак-

туально, когда наступит ночь – должна же она наступить! На берегу я, пожалуй, не заблужусь и в тумане. Найду воду, потому что пить ту липкую мерзость, из коей я вылез, вряд ли полезно для здоровья и уж точно малоприятно. Если мне повезет, то найду и пищу. В конце концов, жизнь на большинстве известных планет устроена примерно одинаково, в ее основе лежат одни и те же аминокислоты. Авось не подохну. Главное – самому не попасть кому-нибудь на зуб. Досадно, конечно, что у меня нет оружия, но если хорошенько подумать, то, может, оно и к лучшему. Пищу можно добыть и голыми руками, а сражаться с хищниками вовсе не нужно, если можно просто-напросто избежать встречи с ними. Не удастся – отступлю в жижу, и если звери последуют за мной – буду топить их поодиночке. Впрочем, десять против одного за то, что хищники не нападут – ведь я нимало не похож на их привычную добычу...

Стоп, сказал я себе. Откуда мне знать о степени знакомства местной фауны с человеком? В этот мир пробит гиперканал, стоят Врата... идиотским образом поставлены, но ведь стоят! Следовательно, здесь есть – или хотя бы бывают периодически – люди.

Не могу сказать, что такое умозаключение обрадовало меня – скорее, насторожило. Какие люди? Чем они заняты? Как они отнесутся ко мне? Чужаков мало где любят.

С другой стороны, чего от меня ждут те, кто приказал выпихнуть меня сюда? Никакого задания я не получил и, сле-

довательно, должен измыслить его сам. Что может быть естественнее, чем выйти к людям?

Пока я размышлял, начало темнеть. Мутный солнечный диск больше не маячил над головой. По-видимому, сутки на этой планете были гораздо короче, чем на Тверди, Земле, Марции или Прииске. Мне предстояло как-то переждать ночь. Утешало то, что она не обещала быть долгой.

Пока еще можно было разглядеть хоть что-то, я поискал по трещинам в скале и выковырнул кусок базальта размером с кулак. Паршивое оружие, но лучше, чем просто кулаки. Потом совсем стемнело, и я стал просто ждать.

Закат не принес с собой ветерка, не разогнал туман. По-прежнему не было видно звезд, а луны у планеты, по-видимому, не было. Ничего не видно и ничего не слышно. Если бы шумел ветер, я не чувствовал бы себя таким одиноким и потерянным. Мозгу нужно обрабатывать поступающую от органов чувств информацию, а много ли ее поступает, если зрительная и слуховая информация отсутствует? Однообразный запах да еще твердая и скользкая поверхность скалы... Маловато.

Многие очень занятые люди втайне мечтают о помещении на более или менее продолжительный срок в одиночную камеру, где никакая сволочь не помешает им предаться давно заслуженному ничегонеделанию. Уверен, для большинства из них это не более чем иллюзия, – или, может быть, они рисуют себе в воображении очень комфортабельную оди-

ночную камеру, снабженную всем необходимым, чтобы не заскучать. Лиши их источников информации – они завоюют дурным воем не позже, чем через час. Человеку вообще свойственно мечтать о том, чего ему на самом деле и даром не надо.

Если подумать, то и я такой же. По разумению как раз тех девяноста пяти человек из ста, что слывут разумными, мне следовало бы устраивать свою жизнь, пока я имею для этого кое-какие возможности и еще не стар, ну а я чем занимаюсь? Не приобрел ни состояния, ни веса в обществе, мало уважаем у себя на родине и плачу моим согражданам взаимностью, не утешил себя пресловутыми семейными ценностями – и ради чего? Ради полноценной жизни? Очень она полноценна! Сажу в липком тумане, опять-таки не зная, ради чего. Что там задумал Вилли? Точнее, что ему приказали насчет меня? Могу строить гипотезы, и даже правдоподобные, но ясности все равно нет. Человек – щепка в потоке. Если подумать, то вся житейская мудрость сводится к тому, чтобы плыть максимально комфортно, не ведая, куда вынесет.

Даже жаль, что это не для меня. Немного странно, что я произведен на свет нормальными родителями, чей фетиш – личный успех. Отец побывал президентом, мама – губернатором и министром культуры. Открывала школы, устраивала какие-то там народные фестивали, внедряла в массы байку о древнейших – куда там землянам! – корнях твердианской цивилизации и чувствовала себя при деле. Жила полноценно.

ной жизнью, а если и переживала, то только за непутевого сыночка, до сих пор не желающего жить как все нормальные люди.

А чего я желаю на самом деле?

Хороший вопрос. Может быть, когда (и если) я стану старым пеньком, мне удастся дать на него ответ.

К середине ночи похолодало, я стал дрожать. Наверное, в жиже было бы теплее, но я решил, что лучше постучу немно-го зубами, чем опять залезу туда без крайней необходимости. Оказалось, что гимнастические упражнения в этом мире благодаря недостатку кислорода согревают просто замечательно: несколько взмахов руками, пяток приседаний – и уже жарко. Конечно, после этого дышишь, как рыба на берегу, но это лучше, чем понемногу коченеть. Так я и дождался рассвета – то разминаясь, то сохраняя тепло в позе эмбриона. Не самая лучшая ночь в моей жизни.

Зато утром я был готов действовать, да и мысли стали конкретнее. Как там Врата? Надо проверить – не открылись ли? Я снял с себя рваньё и опять понаделал плавучих буюв. Выложенная накануне из камешков стрелка указала направление. И действительно – с первой же попытки я нашел островок.

Врата не действовали.

Та-ак... А чего же я, собственно, ожидал?

Весь в липкой слизи, я вернулся на берег. Прошел вдоль уреза жижи двести шагов вправо, затем вернулся и совершил ту же экскурсию влево. Мое вчерашнее предположение

оправдалось: это был мыс. Пожалуй, стоило разведать, что там в глубине материка – если только я попал на материк, а не на очередной остров.

Мои самодельные буигодились и на суше. Когда они кончились, я добавил к ним ботинки и носки, а затем стал использовать камни. Дальше от берега их попадалось больше, и я складывал из них небольшие пирамидки, чтобы уж точно не ошибиться. Оставлял за собой, так сказать, памятники цивилизации. Где бы и какой бы человек ни появился, хоть древний египтянин, хоть менее древний майя, хоть современный балбес, – он обязательно сложит кучу камней. Так уж заведено. Смотрите, мол, это сделал я! Какой я молодец, что обозначил свое присутствие!

И с трудом удержится, чтобы не побить себя кулаками в гулкую грудь, как нелепый земной зверь орангутанг.

Скальный грунт под моими ногами и не думал сменяться чем-то более гостеприимным вроде почвы. Ни былинки, ни зверушки, один голый камень. Наверное, это был молодой в геологическом смысле базальтовый поток, пролившийся из жерла неведомого вулкана. Да и наклон скалы показывал, что я понемногу поднимаюсь вверх.

И хорошо, что понемногу, – камень и вдали от «моря» был скользким от налипших частичек тумана. Крутой склон я попросту не одолел бы. Во впадинах попадались лужи, но чистой дождевой воды я не нашел – везде была та же слизь, да еще зачастую тухлая. Туман господствовал везде, он ка-

зался живым и неживым одновременно. Я больше не боялся крупных хищников, что могли напасть на меня из невидимой засады, — я побаивался самого тумана.

Один раз я ушел слишком далеко от последней пирамидки и чуть не испугался. К счастью, я не из тех, кто, пугаясь, мечется. Я замер. Затем сделал несколько шагов назад, рассчитывая, что если и сойбюсь с верного направления, то совсем немного. Так оно и оказалось. Соорудив новую пирамидку, я продолжил подъем. Куда идти — вопроса не было. Туда, где подъем круче. Даже нормальный водяной туман любит лежать слоем у земли, а эта слизистая взвесь тем более не должна была стремиться ввысь, и я рассчитывал рано или поздно выбрести из нее и хоть немного осмотреться по сторонам.

Расчет оправдался, хотя не так скоро, как мне хотелось. Мало-помалу видимость улучшилась, позволив мне оставлять пирамидки на большем расстоянии друг от друга, а еще спустя несколько минут я убедился, что солнце на этой планете красное само по себе, а не из-за поглощения синих лучей в тумане. Впереди тянулся нескончаемый подъем на страшно пологий и, наверное, самый унылый вулканический конус на свете, позади до самого горизонта расстилалась серо-белая пелена, и я смотрел поверх нее. Уф-ф, выбрался...

Толку с того, правда, было немного — ну разве что я нашел лужицу сносной на вкус воды и утолил жажду. Пейзаж вокруг меня был уныл, сер и однообразен. По-прежнему ника-

ких признаков жизни, даже лишайников. И уж подавно никаких искусственных сооружений.

Кому нужна эта планета? Загадка... Почему на ней худо-бедно можно дышать, раз нигде не видно растительности? Еще одна загадка. И наконец, какому олуху пришло в голову пробить сюда гиперканал? Что у этого типа вместо головы? Протез?

Вопросы множились, а ответов не было. Может, подняться еще выше? А если и там то же самое? Ну, доберусь я рано или поздно до края кратера – и что мне это даст, кроме усталости?

Не вернуться ли проверить Врата?

Я чуть было не повернул назад. В самом деле, скучный пологий склон – это не то, что я хотел найти. Жизни здесь нет. Людей тем более. Помощи ждать неоткуда, и не видно, что я мог бы сделать сам для своего спасения.

Все-таки я решил подняться повыше – скорее для очистки совести, нежели повинуюсь логике. В какой-то момент посмотрел вверх – и остолбенел. Уж чего-чего, а этого я не ожидал совершенно.

Над головой у меня висел черный корабль.

Большая клякса в небе. Видимое ничто, но ничто могущественное, ничто убивающее... Ошибиться мог бы новичок, но я видел черный корабль уже в третий раз.

И впервые так близко.

– Чего тебе надо? – прошептал я. – Кто ты? Зачем здесь?

Меня не удостоили ответом. Я и не надеялся. Черный корабль висел надо мной совсем низко, но был ли он кораблем? На вид – просто большой, чуть колеблющийся черный сгусток. Корабль ли это? Животное ли? Дыра ли в пространстве, сквозь которую кто-то очень далекий может наблюдать за нами и вмешиваться в наши дела? Или некий физический, чисто природный объект, которому мы не можем дать объяснение?

Последнее вряд ли. Природные объекты обычно безмозглы, они редко ведут себя целенаправленно, уничтожая тех, кто нападает на них. Я не имел оснований сомневаться в достоверности имеющейся у меня информации о контактах военных с черными кораблями – контактах, обычно заканчивавшихся плачевно для любителей атаковать все, что непонятно.

Я не собирался нападать на черный корабль. Глупее этого трудно было себе что-нибудь представить. Да и что я мог? Швыряться в него камнями?

Страх куда-то делся, осталась лишь усталость. Ну вот он я, говорил я мысленно, перед тобой я козявка, нагой человеческий червячок, хочешь, сожри меня, хочешь, испепели, но ради всего святого дай понять: в чем смысл?

– Чего ты хочешь? – спросил я.

Черный корабль наплыл на солнечный диск, и странно – кирпично-красное солнце слегка просвечивало сквозь него маленьким злым угольком. Оно разгоралось все ярче, и я по-

нял, что черный корабль тает. Тает у меня на глазах.

Минута – и он исчез, как и не было. Растаял. Растворился.

Пошатываясь, я пустился вниз по склону. В туман, в туман! К моим пирамидкам, к ориентирам из обрывков одежды, к берегу слизистого моря, к Вратам!..

Врата были открыты. Возле них на корточках сидел Вилли.

Глава 5

Планета Земля. Какое-то место за двумя высокими заборами. Бдительная охрана. Здание коттеджного типа. Душ. Сауна. Снова душ. И наконец – обстоятельный разговор под пивко, что так хорошо идет после парной. В общем-то я всерьез не думал, что меня бросили подыхать.

– Тест, Ларс, обыкновенный тест, причем один из самых безобидных, – просвещал меня Вилли. – Просто-напросто оценка способности кандидата принимать верные решения при заведомой нехватке данных и некоторых несовпадений местных реалий с привычными понятиями. Как работает нормальная логика? Можно дышать? Значит, в атмосфере немало кислорода. Есть кислород – значит, есть растительность. Есть растительность – значит, есть травоядные животные, а раз есть они, то есть и питающиеся ими хищники. Что делает так называемый разумный человек, придя к таким выводам? Во-первых, торопится смастерить оружие – копье, палицу или даже каменный топор. Беда только в том, что деревья на планете не хватит и на занозу для мизинца, и приходится бедолаге ограничиться кистенем или ручным рубилом. Во-вторых, он пытается разжечь огонь, но не может даже начать – по той же причине. И тут он, как правило, впадает в тяжелый ступор. Далеко не все люди даже в чистой теории могут допустить, что есть миры, где жизнь устроена

иначе, чем на их родимой планете, но и они нередко делают уйму глупостей, когда сталкиваются с подобным несходством на практике...

– А что это за мир? – перебил я. – Ни растений, ни животных, одна противная жижа...

– Доорганизменная стадия, – сказал Вилли. – Планета называется Архея. Ей уже четыре миллиарда лет, и жизнь на ней кипит, но организмов почему-то так и не получилось. Вся биосфера – единый организм, ну, или одна клетка, если считать органеллами ту микроскопическую мелочь, которая там кишит. Вся эта противная, как ты изволил выразиться, жижа, а также и частицы тумана – одно-единственное живое существо, формирующее в единственном числе всю биосферу. Очень устойчивая система, наши микробы ей нипочем, она их запросто переваривает. Переварит и человека, если тот просидит на одном месте этак с неделю. Ты заметил, что кожа у тебя словно шелковая?

– Еще бы не заметить. Мочалка – и та царапается.

– Так и должно быть: та «противная жижа» съела твой ороговевший слой. Это чепуха, сам понимаешь, вреда здоровью никакого, да и вообще не в том дело. Мы используем Архею, когда хотим понять, чего человек стоит.

Вот как? Стало немного обидно. Мои партизанские подвиги, выходит, не в счет?

– Ну и как, проверили? – не без сарказма осведомился я.

– Ты держался вполне удовлетворительно, – кивнул Вил-

ли. — Понимаешь, что было с тобой на Тверди, то давно прошло, люди-то меняются. Кроме того, там ты был у себя дома, где и стены помогают. На свете полным-полно храбрцов, которые теряются, оставь их один на один с чем-нибудь не столько опасным, сколько непонятным. На Архее многие сразу начинают паниковать. Для чего нужна храбрость? Дураки воображают: чтобы крушить врагов. А она нужна, чтобы сохранять ясность мысли в самых неподходящих условиях. Например, в ночь перед расстрелом. Что лучше — скулить от жалости к себе или положить все силы ума на то, чтобы выкрутиться?

— Вероятно, второе. Впрочем, не знаю, не пробовал.

— У тебя еще все впереди, — хохотнул Вилли. — Какие твои годы.

— Утешительно... — пробормотал я. — А что на ближайшую перспективу? Тест на восприимчивость к пыткам?

— Господь с тобой. — Вилли рассмеялся. — К чему пытки, если можно применить ментоскопирование при незначительном фармакологическом воздействии или даже без него? Пытка ломает человека — любого можно сломать, но, как правило, не дает вполне объективной картины. Пытаемые часто мешают ложь с правдой, и требуется работа аналитиков, чтобы разделить их. Нет, это каменный век, Ларс, забудь.

Я вспомнил, как поступали на Тверди ребята Рамона Данте с плененными земными десантниками, и предпочел не

развивать эту тему.

– Мы и без того достаточно много о тебе знаем, – подмигнул Вилли.

– Например?

– Пожалуйста. Ты был откровенен во многом, но не во всем. Варлам Гергай старательно делает вид, что изменил свои взгляды на принципы сотрудничества наших планет и ныне пытается оказать нам услугу якобы только для того, чтобы со временем вновь занять президентский пост. На самом деле он надеется сманеврировать, используя немногие оставшиеся в его распоряжении средства, и пойдет на честное сотрудничество только от полной безысходности. Мы предполагали это с той минуты, когда узнали, что ты направлен на Прииск, а твои ментограммы полностью подтвердили это.

– Когда они были сняты? – дернулся я.

– Не имеет значения. – Вилли с видимым удовольствием отхлебнул пива. – Тебе незачем расстраиваться. Игра Варлама Гергая нам понятна, и мы, вероятно, ее примем. Любопытнее другое: твой отец до сих пор надеется привить тебе интерес к политической деятельности, видя в тебе своего преемника, а тебе вовсе не кажется привлекательным этот род занятий. Я прав?

– Да.

– Можно узнать почему?

– Личный опыт, – поморщился я. – Мы выиграли войну

против вас, а могли бы проиграть ее или вовсе не начинать – примерно с тем же, если не лучшим, результатом. Я был обманут, как все, и сам невольно обманывал других, а реальность на самом деле очень проста: Твердь – это скандий. Ничего больше. Имеет значение только стоимость тонны концентрата. Я не гожусь для болтовни о свободе, национальной гордости и прочей лапше для ушей недоумков, живущих в выдуманном мире. Слишком противно. Говорят, это называется совестью. – Я улыбнулся не очень-то весело.

– Возраст лечит, – хохотнул Вилли. – Не хочу на тебя давить, но если когда-нибудь передумаешь, дай знать. Президент Тверди Ларс Шмидт – звучит неплохо, а? Не сейчас, конечно, а со временем. Обдумай эту перспективу, она не столь уж неосуществима.

– Уже обдумал. Нет.

Вилли пожал плечами.

– Не хочешь сделать что-нибудь полезное для своего народа?

– Хочу.

– Боишься тяжелой работы?

– Нет.

– Так в чем же дело? – Я не стал говорить ему, что боюсь бессмысленной работы. Не дождавшись ответа, Вилли пожал плечами. – Ладно, дело твое. Может быть, со временем ты изменишь свою точку зрения. Вернемся к текущим делам.

– Новый тест?

– Зачем? Хватит тестов. Годен. Тебя ждет учеба в нашем тренировочном центре. Данные у тебя есть, но тебя плохо обучали, если вообще обучали, так что тебе следует кое-что наверстать. Кстати, ты не заметил на Архее ничего странного?

Он внезапно посмотрел мне прямо в глаза, и я выдержал этот взгляд. Даже весьма простодушно фыркнул:

– Там вся планета довольно странная.

– И только? – настаивал он.

«Будь искренним», – вспомнил я слова отца. Больше всего меня занимал вопрос, знает ли Вилли о появившемся на Архее черном корабле или его любопытство связано с чем-то иным. Если знает, то это банальная проверка на лояльность. Впрочем, отец был наивен: мне давно стало ясно, что вне зависимости от результатов всех этих тестов и проверок земляне не допустят меня к работе по черным кораблям.

На один миг у меня даже возникло подозрение, что на самом деле черные корабли – дело рук землян, их сверхсекретная разработка. Довольно дикое подозрение, но вы попробуйте рассуждать здраво, когда в запасе у вас от силы секунда.

Я решил довериться интуиции.

– Чего ж еще? Может, там и было что-то совсем уж необычное, да как разглядишь? Туман.

Казалось, Вилли был удовлетворен ответом.

– Там работает автоматическая лаборатория, – сказал

он. – Иногда ее посещают биологи, снимают показания с приборов, проводят какие-то эксперименты... Насколько я понял, ты взял не то направление, иначе обязательно дошел бы до нее. За это и получил «удовлетворительно», а не «хорошо».

Интересно, постоянно ли отслеживались мои перемещения в живом киселе Археи и на ее скользком базальте? Самое главное: знает Вилли о черном корабле или нет?

Отбрехаюсь, подумал я. Ничего не знаю, ничего не видел – и хоть режьте меня! Ну не смотрел я в небо, я под ноги себе смотрел, навернуться носом о базальт не хотел, там скользко было, между прочим!..

– А что надо было сделать, чтобы получить «отлично»? – ворчливо осведомился я. – Построить хижину? Добыть огонь без дров? Основать цивилизацию и учредить в ней секретную службу? Склонить к сотрудничеству местную протоплазму?

Вилли захохотал, замахал на меня руками и сбил со стола пивную банку. На вопрос он так и не ответил.

Я присосался к пиву. Неплохое пиво варят земляне, даже хорошее, а все-таки наше твердианское лучше. Хотя Вилли, наверное, так не считает. Видимо, все дело в привычке.

– На Прииск я не вернусь? – спросил я.

– Нечего тебе там делать, – сказал Вилли, слизывая с губ пену.

– Мне-то, может, и нечего. А ученые в претензии не

будут?

– Обойдутся. Тебе, Ларс, предстоит провести некоторое время на старушке Земле. Ты ведь уже был у нас? Ну вот, вспомнишь студенческие годы. Не обещаю только, что тебе будет так же комфортно, как тогда, ха-ха. Зато могу обещать, что скучать не придется.

– Верю. Когда начинаем?

– Торопишься? – Вилли посмотрел на меня с любопытством. – Завтра. Сегодня можешь отдыхать. Библиотека, фильмотека и напитки в твоём распоряжении, а захочешь перекусить – просто хлопни в ладоши. Вздумаешь прогуляться – пожалуйста. Наслаждайся, но живые изгороди не форсируй и вообще не чуди. Чревато.

Он исчез, а я хлопнул в ладоши. Секунд через десять появился официант с такой приветливой физиономией, что я ни на минуту не усомнился: андроид, причем самой дешевой модели. Возможно, его вырастили не на Прииске, а на самой Земле. Я велел ему принести еще пива и погрузился в размышления.

Итак, со мною станут возиться. Вероятно, несмотря на мое прошлое, меня считают достаточно ценным человеческим сырьем, чтобы обучить кое-чему и попытаться использовать. При этом они знают, что Варлам Гергай – политический труп, по их мнению, – ведет свою игру, и не особенно возражают. Они знают также, что мои цели – это не цели моего отца. Собственно говоря, у меня больше нет целей. По-

хоже, это их более чем устраивает, а вот то, что у меня нет амбиций, – наоборот, смущает.

Это у меня-то нет амбиций?! Ха-ха. Мои амбиции огромны: я собираюсь прожить оставшиеся мне годы так, как сам хочу, и если что-то перестанет меня устраивать – выйду из игры. Найду способ.

Интересно, вполне ли понимает меня Вилли? Он рядится под простачка, но сам очень не прост.

Ладно, Вилли – потом...

Мои первичные умозаключения вроде бы должны были успокоить меня, а вместо этого встревожили. Не исключено, что меня сознательно подталкивали именно к таким мыслям. К тому же человеческая голова так устроена, что в нее первым делом лезет то, что называется верхним слоем логики; истина же часто зарыта глубже. Но где она и в чем заключается? Я ломал голову до тех пор, пока не решил, что это уже становится опасным. Перемудрить иногда хуже, чем недомудрить, причем значительно хуже. И для дела вреднее, и для здоровья.

Утром пришел какой-то тип и предложил следовать за ним. Меня переселили в крохотный домишко, один из примерно двух десятков домиков, что окружали более крупное здание, как цыплята наседку. Весь мой домик состоял из маленькой прихожей и маленькой спальни. Последняя служила также и кабинетом, ибо половину свободного пространства

в комнатухе занимали стол и табурет. В те времена, когда я стажировался в Монтеррейском университете, мне полагалась примерно такая же конура в студенческом кампусе. Казалось бы, будущим агентам должны были полагаться лучшие условия, – но нет. Узкая жесткая постель, грубое казенное одеяло, резкий запах какого-то клопомора. Я не удивился бы, если бы ко мне ввалился здоровенный сержант и, зорав, что сидеть полагается только на табурете, а ложиться днем вообще запрещено, попытался бы поднять меня с кровати пинками.

Попробовал бы он это сделать!

Вместо сержанта явился андроид в форме без нашивок и, даже не покосившись на смятую постель, вежливо попросил меня следовать за ним. В одной из комнат большого здания было устроено нечто вроде школьного класса, только очень маленького – мест на пятнадцать. Я слышал, что для земных школ это норма, хотя никак не мог взять в толк: откуда они берут такую прорву педагогов? На Тверди нормальный школьный класс – пятьдесят человек.

Нас оказалось всего семеро. Я занял место у окна, мое любимое еще с детства, и сделал вид, что нисколько не интересуюсь компанией начинающих шпионов, в которую я попал.

Вводную лекцию прочитал некий пузанчик. Общие слова о том, что в наше время агентурная разведка несмотря ни на что все еще приносит результаты. Азы вербовки, ничего интересного. Все это я давно уже знал и применял на практике.

Но слушатели внимали, и я делал вид, что мне тоже безумно любопытно.

Впрочем, на следующий день стало интересно по-настоящему. Пошли примеры из работы реальных агентов на реальных планетах. Пузанчик рассказывал о блистательных удачах и позорных провалах. Особенное впечатление на меня произвела история об агенте, который провалился из-за того, что у него были слишком чистые уши, – оказывается, там, где он работал, местное население исстари подвергало себя избирательной гигиене. Сколько миров, столько диковин, а общий рецепт работы агента-нелегала прост: если тебе предстоит быть заброшенным в мир, где люди ходят на головах, заранее обеспечить себя мозолистой плешью.

Пузанчик говорил и говорил. Интересно, кем он считал нас, слушателей? Сосунками, не иначе. Желторотиками. По его мнению, мы должны были смотреть ему в рот и не дышать. Я так и делал.

Порядки были армейские. Вставали до рассвета. Каждое утро начиналось с физподготовки – пятикилометровый кросс по весьма пересеченной местности, спортивные снаряды. Затем завтрак и занятия до обеда. Получасовой отдых – и занятия до ужина. Вскоре после захода солнца – отбой. Личного времени – час в день плюс то, что удастся сэкономить за счет сна.

Как и все, я пользовался менторедуктором весьма компактной модели – с горошину. Впоследствии нам обещали

вживить еще более компактную модель в черепную кость. Было еще множество полезных приспособлений, у нас горели глаза, а Пузанчик, глядя на нас, улыбнулся, как улыбается взрослый, увидев малыша, учащегося ходить на помочах, и сказал:

– Вас научат пользоваться всем этим, но вас также научат обходиться вообще без электронных средств. Очень хороши имплантируемые биошунты различного назначения, выращенные из ваших же стволовых клеток и трудновываемые без специальной аппаратуры, но вас научат работать только с тем инструментарием, которым наделила вас природа. Вообще имейте в виду, что главное – здесь. – Он легонько постучал себя по лбу. – Никакой усилитель памяти или даже интеллекта не спасет вас, если в этом месте у вас пусто. А чтобы первое ваше главное место не слишком перегружалось, у вас есть и второе, тоже главное, вот оно. – И, повернувшись к нам в профиль, наш преподаватель звучно хлопнул себя по обтянутому заду.

Кто-то гыгыкнул, а зря. Пузанчик имел в виду, что подготовка общая, подготовка специальная, а в дальнейшем и подготовка каждой операции, кроме самых экстренных случаев, требует времени и терпения. Кому не придется действовать, не просчитав все возможные варианты, тот выбрал не ту профессию и тому, между прочим, еще не слишком поздно передумать. Цена вопроса – всего лишь небольшая коррекция памяти...

Больше никто не гыгыкал.

На третий день начались занятия со специалистами. Хороший агент – это хороший актер, а кроме того, он должен обладать изворотливым умом, умением вытягивать из собеседника информацию, безупречной памятью, обаянием и еще длинным списком полезных качеств. Он должен быть устойчив к большим дозам спиртного, уметь хорошо играть в несколько десятков распространенных в обитаемой Вселенной игр и оставаться холодным к чарам обольстительниц. Бегать, стрелять, закладывать мины, устраивать тайники, вести наружное наблюдение, отрываться от «хвоста», выживать в нечеловеческих условиях, держаться на допросе и допрашивать самому, не имея под рукой спецсредств, – это, конечно, само собой. Брезгливость – долой. Каждому из нас пришлось форсировать глубокую и широченную канаву с дерьмом. Кого рвало, тех заставляли повторить упражнение. Бывали и еще менее приятные учебные часы.

Базовая подготовка, ничего более. Впоследствии каждому из нас предстояло пройти специальную подготовку для работы на конкретной планете. Я удивился, узнав, что в земных колониях, считающихся стопроцентно лояльными, агентурная сеть земной разведки подчас не менее густа, чем в колониях ненадежных и даже бывших.

Следовательно, и у нас на Тверди до нашей революции существовала сеть, включавшая в себя также и нелегалов, маскировавшихся под твердиан?

Наверняка.

Почему же не было принято никаких мер?

Я ломал над этим голову несколько дней и пришел к выводу: вряд ли земная агентура на Тверди была настолько беспечна, что вульгарным образом прошляпила переворот. Вероятнее всего, она имела достаточно данных и о настроениях в народе, и о разложившейся Администрации, и о подполье, чтобы в метрополии всполошились. И тем не менее – никакого результата. В тот момент всего один батальон грозной линейной пехоты метрополии, переброшенный гиперканалом в Новый Пекин, сделал бы восстание немыслимым. Может быть, стекающиеся данные обрабатывал никуда не годный аналитик? А может, и того проще: был составлен исчерпывающий доклад и попросту затерялся в потоке документов? Теоретически это вполне возможно.

Был и третий вариант ответа, самый неприятный: нам сознательно позволили начать восстание. Хуже того, нам позволили одержать полную победу. Для чего? Может быть, для того чтобы мы выпустили пар в свисток. На каком уровне принималось решение? Кого, кроме очередного министра колоний, удалось свалить по результатам нашей революции? Не знаю. Откуда мне знать? Тысячи убитых земных десантников, сотни тысяч погибших твердиан – даже не фишки в игре. Так, пыль... И в результате нарыв был вскрыт, Твердь успокоилась, уверовав в призрачную свою независимость, и новые люди заменили старых в неведомых кабинетах, и скан-

дий по-прежнему идет на Землю...

Тут была логическая нестыковка. Первое-то время скандий шел не на Землю, а на Марцию! Следовательно, гибель Мации – дело рук землян?!

Нет, конечно же. Доказано, что нет.

Или я глуп, как эхо-слизень, и ничегошеньки не понимаю?

В конце концов я отложил разгадывание этой загадки на потом – мне по самые ноздри хватало текущих проблем. Спал я в среднем часа по три-четыре в сутки – больше не получалось. А ведь я, черт побери, издавна и не без оснований считал себя толковым парнем! У меня был опыт самостоятельной работы! Оказалось, однако, что умению схватывать на лету мне еще учиться и учиться.

Впрочем, это не умение. Это талант. Его отличие от умения в том, что нарабатывается он гораздо дольше и труднее.

Обычно с завербованными на стороне агентами так долго не возятся, но для меня, как и для остальных шести молодых кадров, сделали исключение. Возможно, свою роль сыграло то, что я сам пошел на вербовку и еще ни разу не заикнулся об оплате. Возможно, умные спецы проанализировали мои ментограммы и сочли их подходящими. Короче, не знаю.

Позднее во мне укрепилось подозрение, что Земля, должно быть, испытывает некоторый дефицит подходящего человеческого материала для работы, обычно исключаящей возможность пожаловаться кому-нибудь на то, что с ним, материалом, обошлись не так, как он, материал, того заслужива-

ет, по его, материала, мнению. В армии и то проще – можно пожаловаться командиру (иной вопрос, стоит ли это делать). Между прочим, две трети тех десантников, с которыми мы дрались на Тверди, были не коренными землянами, а наварбованными контрактниками из лояльных колоний. Уже сам по себе этот факт кое о чем говорит. Что до агента-нелегала, то он работает чаще всего в одиночку, никто не подставит ему плечо, не подскажет верное решение, не проревет в ухо команду грубым сержантским ревом, и пожаловаться некому, разве что святым мученикам на том свете. Коренные земляне избалованы. Насколько я их знаю, они всегда находятся в полном сознании своих прав, разумеется, священных и неотъемлемых, и главным правом, по-моему, считают право на то, чтобы кто-нибудь решал их проблемы, создавая им безопасность и уют. Оказавшись вне Земли, они долгое время не верят, что жизнь на самом деле грубее и примитивнее, чем им казалось, и уж совсем отказываются верить в то, что она именно по этой причине интереснее! Повидал я таких землян на Тверди в старые времена... Бедняги. Бедные напыщенные бедняги!

Стоило ли удивляться тому, что в нашей группе из семи человек был лишь один землянин, да и тот родился и провел детство не на Земле, а на Дидоне!

Другой был родом с Хляби. Третий и четвертый прибыли из марсианской колонии, если только не ввали, пятый – с Нового Гуама, а что до шестого, то его угораздило родиться

на планете с милым названием Край Света. Я и не слыхивал о такой. Может, она и впрямь болтается где-то на краю Галактики, а может, и за ним.

Мы не откровенничали друг с другом, а с того момента, как пошла индивидуальная подготовка, почти и не общались. Имя Ларс мне велели забыть. Теперь я стал Винсентом – просто Винсентом без фамилии, как монарх или раб. Имячко не без претензии, мне оно сначала не нравилось, но потом я привык. Других обучающихся я тоже знал только по именам и не сомневался, что они вымышленные.

Раз в неделю полагался выходной. Хочешь – зубри, хочешь – отдыхай, дело твое. Можешь напиться и, если не станешь буянить, никто слова не скажет. Можешь вызвать девушку-андроида или мальчика-андроида для секс-услуг, никто не возразит. Твое дело. Твоя учеба. Твоя жизнь.

В первый же свободный день мы напились до зеленых чертей и болтали всякую пошлятину. Потом – как отрезало. Видимо, не только я осознал, что на самом деле нет у меня свободного времени, совсем нет.

Пухла голова.

Один из обучаемых, и как раз землянин, был отчислен; по слухам – сам запросился, не выдержал. Нас осталось шестеро. Так прошло полтора месяца. Кто-то где-то услышал, что надо продержаться первые шесть недель, дальше уже пойдет легче. Откуда пошел звон – неизвестно, да и не сам ли я это выдумал? С перегретых мозгов станется, они припомнят и

то, чего не было.

Однако шесть недель прошли, и я не был отчислен. А еще две недели спустя прибыл Вилли.

По мою душу.

Глава 6

Море называлось Эгейским, и Вилли лениво рассказывал мне, что, по сути, оно просто набитый островами залив Средиземного моря, каковое турки когда-то называли Ак-Дениз, то есть Белое море. Я знал, что настоящее Белое море лежит гораздо севернее, и мне совсем туда не хотелось. Мои родные края – жаркие степи, по крайности джунгли, тоже отнюдь не холодные. Марция была в среднем попрохладнее, и там я в конце концов привык к тому, что лед иногда встречается не только в холодильнике. Но одно дело – «иногда», и совсем другое – по полгода. Спасибо, как-нибудь в другой раз. А еще лучше – в другой жизни.

Теплое море шумело, облизывая камни, с него тянуло ветром и йодом, а остров – он назывался Самос – в целом смахивал на Твердь чуть севернее Нового Пекина. Растительность только не та, а так – похоже. Вилли болтал о пеласагах и ахейцах, о Поликрате и античном пиратстве; я слушал его вполуха. Где мне предстояло поработать, я еще не знал, но уж точно не на Самосе.

– А потом тут повсюду околачивались киликийские пираты, – продолжал лениво бубнить Вилли, – и римляне не раз пытались их вывести, как клопов, да только эффект всякий раз бывал сугубо временным... Еще позже – норманнское пиратство, мусульманское пиратство... Представляешь, еще

лет с тысячу назад поблизости отсюда, в Северной Африке, трудились самые натуральные рабы, взятые в море...

– Неужели так давно? – ухмыльнулся я.

– Давно? – не понял иронии Вилли. – Да это, считай, вчера! Мы хомо галактикусы, а в сорока поколениях от нас – рабовладельцы! Ну не дико ли?

Я не улавливал, куда он клонит. Может, просто треплется в свое удовольствие? Если так, то пожалуйста, с моей стороны возражений нет.

Кое-какие знания из земной истории, некогда вбитые в память менторедуктором, шевельнулись во мне, поднялись из темной глубины и закачались на солнечных бликах.

– Кажется, в более древние времена пленных попросту убивали, потому что не представляли себе, что с ними делать, – сказал я. – Наверное, на того, кто первым предложил: «А давайте-ка лучше заставим их работать», – смотрели как на опасного радикала или юродивого. Вот ведь додумался! Подрывает основы. Ну не гад ли? Режь, братцы, пленных, да и вольтерьянца заодно!

– У каждой эпохи свой гуманизм, – хохотнул Вилли.

– И у каждого мира. Кое-где в колониях, как я слышал, рабство существует на вполне законной основе.

– Не вполне законной, – поправил Вилли.

– Правда? А каторга по приговору суда – не рабство? Просто иначе называется.

– Ну-у... Нет, по сути – рабство, конечно. Только заметь:

государственное, но никоим образом не частное. И, конечно, временное.

– Бывают и пожизненные сроки. У нас на Тверди и при Администрации каторжные работы были, и сейчас есть, только теперь у нас к ним приговаривает суд присяжных, как у больших. Мы же гуманисты.

– Что-то ведь надо с преступниками делать, – развел руками Вилли.

– Не только преступники. Кое-где рабство существует и вне приговора суда.

Я настроился на словесную пикировку, но Вилли замолчал. Я пожал плечами и стал следить за букашкой, пробиравшейся по песку. Здоровенная чайка проплыла над нами навстречу бризу, едва заметно шевеля крыльями и всю крича о своем, о чаячем. Волна лизнула мои ноги. Окунуться, что ли, еще разок?

Я так и сделал. Первая волна подбросила меня, под вторую я поднырнул. Мелкие рыбки бросились подо мной врассыпную, юркнули в мотающиеся туда-сюда водоросли. Студенистая тварь – медуза – ритмично дергала щупальцами, стараясь, как видно, уплыть подальше от полосы прибоя. Тощая, будто с детства не кормленная, морская игла делала вид, будто ее можно запросто схватить рукой. Вообще-то можно, но не запросто. Морской еж топорщил черные иглы – попробуй-ка наступи!

– Странно все-таки, – пробормотал я, наплававшись вво-

лю и вновь заняв место на песочке.

– Что странно? – поднял бровь Вилли.

– Странно, что меня не заставили принять присягу на верность Земле.

– Ах, вот оно что... И не заставят. Незачем. Я даже не стану спрашивать тебя, согласился бы ты, так сказать, в теории принять такую присягу. Присягают земляне, но и это, я тебе скажу, больше традиция, чем необходимость. Каким целям служит присяга? Главная ее цель – определить на суде, кто предатель, а кто просто враг. Но какой, к чертям, суд может быть для человека твоей профессии? Учти, официально тебя как бы вообще не существует. Кого судить? При необходимости мы легко опустим все эти формальности, ты же понимаешь...

Я кивнул.

– А вторая цель?

– Напоминание. Дамоклов меч. Принимая присягу, человек делает выбор и должен следовать ему до конца. И опять-таки тебе не нужна эта напоминалка, у тебя хватит ума сообразить, на чьей стороне должны держаться такие, как ты. Группа, в которой ты обучался, – особенная. Это люди, готовые работать за идею. Особый контингент, трудный. За все время ты ни разу не спросил о деньгах. Может, хочешь спросить сейчас?

– И спрошу, – пробурчал я. – С голоду помереть не дадите? На дело средства найдутся?.. – Вилли только фыркнул. –

Значит, все в порядке. Я не на заработки сюда прибыл.

– Знаю. И жаль, что не на заработки.

Н-да. «Идейные» агенты – вечная головная боль их работодателей. Иногда это изумительные работники, вся беда с ними в том, что идеи в головах могут меняться. Деньги – те всегда деньги. Но я-то разве идейный агент? Черта с два. Я безыдейный агент! Прошло время идей. Зачем они? Побесились во мне, передрались между собой и все вышли, как продукты метаболизма.

Или отсутствие всяких идей – тоже своего рода идея?

Я думал о том, кто такой Вилли. Забрал меня из учебного центра, не дав окончить курс «наук», – значит, имел на то полномочия. Не самая мелкая сошка. Каково его положение, перед кем он отчитывается, какая ему дозволена степень свободы – эти вопросы интересовали меня в первую очередь. Спросить прямо? Нет, это всегда успеется.

Три дня мы с ним только и делали, что загорали на пляже, купались в ласковом – почти как на Тверди – море, пили некрепкие напитки и болтали о пустяках. Отдых перед серьезной работой? Наверняка. За эти дни мои мозги, едва не дошедшие до точки кипения, пришли в норму и в должном порядке отложился в них учебный курс. Надо признать: теперь я умел больше, чем прежде. Как говорил Фигаро, разве такой человек может чего-нибудь не уметь? Если и может, то немного. Зато он имеет вопрос: что дальше?

Три девушки в нанесенных из пульверизатора символи-

ческих купальных костюмах продефилировали мимо нас и расположились в шезлонгах неподалеку. Будут лениво загорать до обеда, поглядывая в нашу сторону, а потом утратят к нам интерес и займутся теми, кто легче ловится на живца. Охотницы. Одна из них внешне напомнила мне Дженни. Старые, старые воспоминания... А! Какой смысл ворошить прошлое! Мысленно пожелаю удачи моей единственной, проклявшей меня любви – и хватит. Любая на ее месте обратилась бы к психологу, стремясь поскорее забыть пережитое ею на Тверди, так что вряд ли Дженни пожелала бы увидеться со мной, если бы и была такая возможность. Ну и кончено. Возвышенных чувств мне уже не испытать, как видно, а для удовлетворения примитивных плотских желаний существуют феминоиды...

– Ты прав, – сказал вдруг Вилли, – рабство живо. Оно никогда и не исчезало окончательно, просто принимало разные формы. Оно и сейчас существует, успешно мимикрируя.

– Андроиды, – подсказал я, дивясь совпадению мыслей. – И феминоиды.

Оказалось, попал пальцем в небо.

– Я не о том, – сказал Вилли. – Андроиды – изделия, они счастливы служить. Я говорю о людях. Что ты знаешь о планете Китигай?

– Только название. Слышал где-то. Оно что-нибудь означает?

– «Сумасшедший» на старом японском. Нет, ничего осо-

бенного, просто планета показалась первопоселенцам очень уж непривычной. Они были японцы. Там и сейчас больше половины населения – японцы. Еще корейцы, малайцы, индонезийцы, русские, немцы и так далее. Впрочем, сам узнаешь. Слушай задание: с завтрашнего дня ты начинаешь подготовку к самостоятельной работе на Китигае. Два дня сроку на изучение вопроса. Потом... ну, увидишь, что потом. – Он с едва заметной усмешкой посмотрел на меня. – Хотел я дать тебе еще денек-другой поваляться на песочке пузом кверху, но раз уж ты сам просишь о работе...

И с комичным видом развел руками.

Вечером Вилли принес ко мне в гостиничный номер материалы по планете Китигай.

– Изучи. Послезавтра вечером я буду готов выслушать твои соображения.

– Насчет чего?

– Надо срочно вытащить оттуда одного человека. Срок – неделя, максимум десять дней. Его зовут Серафим Петров, он один из ведущих инженеров компании «Норихиро». Тридцать пять лет по земному счету, неженат, бездетен. Уважаемый человек, на службе на хорошем счету.

– А в чем дело?

– Он раб.

Оставшись один, я первым делом смыл с кожи соль под душем, запер балконную дверь и отрегулировал температу-

ру в номере до комфортной кондиции. Возможно, кому-то было бы жарковато, ну а мне в самый раз. Никто не мешал мне и вряд ли мог помешать – Вилли снял весь верхний этаж крохотной частной гостиницы, состоящий, если честно, всего-навсего из двух номеров, и предупредил хозяина-грека, что мы не любим посетителей. Гостиница была старая, выстроенная из потрескавшихся от времени камней, оплетенных лозами дикого винограда. Не уверен, что она была построена во времена киликийцев, а вот во времена мусульманского пиратства – очень может быть. Толпа деловитых, хорошо знающих свое ремесло головорезов высаживалась на берег с галер, шла широкой облавой, мгновенно давя стихийные очажки сопротивления, вламываясь в дома, хватая не успевший разбежаться живой товар, – а дом стоял, глядя равнодушными окнами на человеческую мельтешню...

Стоп. Долой фантазии. Есть информация: некто Серафим Петров на планете Китигай – раб. Получено задание: вытащить его оттуда. Приступим.

Я начал с общих сведений о планете. Китигай – пятая планета в системе желто-белой звезды класса F6V, известной по земным каталогам как Гамма Змеи. Планета делала оборот вокруг звезды без малого за два земных года, но продолжительность суток мало отличалась от земной или твердианской. Сила тяжести – восемьдесят восемь процентов земной. Климатические условия близкие к земным, но с меньшими колебаниями температур. Атмосфера пригодна для дыхания

без каких-либо приспособлений, не говоря уже о биохимической натурализации. Местные болезнетворные микроорганизмы не выявлены. На планете успела развиться жизнь, но, насколько я сумел разобраться, находилась пока где-то на уровне кембрия-ордовика – словом, в морях фауна так и кишела, а земля, как водится, была пуста и безвидна, если не считать каких-то червей, выползавших на литораль покувыркаться в слое ила. Три столетия терраформирования сделали свое дело. Дружные и трудолюбивые переселенцы начали с малого и добились впечатляющих результатов. Однако же, рассмотрев снимки поверхности планеты с высоты, я невольно присвистнул и рассмеялся.

Вся планета была испещрена оспинами. Каждая оспина – небольшой цветущий участок с домиком, деревьями, живыми изгородями, а нередко еще и с декоративным прудиком. Между оспинами повсюду расстилалась безжизненная каменистая пустыня, кой-где прочерченная прямыми ниточками дорог и петлями ручьев и речек. Перед возведенными там и сям плотинами сверкали водохранилища, к ним жалась возделанные поля, и оспины усадеб в таких местах попадались чаще. Кое-где они просто гнездились, а между ними наблюдались строения явно промышленного назначения, более или менее одинаковые во всех обитаемых мирах. Наверное, эти скопища следовало считать городами.

Давно я не смеялся так легко и беззлобно. Японцы и на планете Китигай остались японцами. Привыкнув жить в ве-

ликой тесноте, любовно возделывая каждый свободный клочок земли, будь он размером хоть с коврик для собаки, переселенцы из Страны восходящего солнца сначала обалдели от невероятного количества свободной земли и немедленно начали приводить планету к цветущему виду. Засыпать бесплодную почву слоем гумуса, предварительно накопив последний! Выстроить красивые домики! Облагородить местность вокруг них, чтобы было приятно для отдохновения и лезли в голову правильные мысли! Выкопать прудик и запустить в него декоративных рыб, высадить деревья, живописно нагромождать валуны, проложить меж ними тропинки со ступенями и мостиками – на это японцы всегда были великие мастера. Но главный стимул – устроиться на порядочном расстоянии от надоевших хуже маринованной редьки соседей! Одни! Каждая семья – сама по себе! Великий простор вместо скученности! С ума можно сойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.